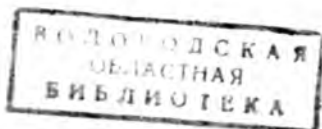

К. КОНИЧЕВ

**ЧЕЛОВЕК
ДЕЛОМ СЛАВИТСЯ**

099792
267550

*Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство*

1954

В МЕЖДУРЕЧЬЕ

Двадцать лет я не бывал в Междуречье. И на первый взгляд кажется, — мало внешних изменений произошло здесь за эти годы. Конечно, если бы не война, тогда бы и центр Междуреченского района — село Шуйское выглядело бы богаче, нарядней и веселей. Это несомненно.

Поднявшись на берег Сухоны, в сером утреннем полумраке я разглядел давно знакомые мне, чуть-чуть постаревшие дома с облезлой краской на тесовой обшивке. Некоторые из них хотя заметно покосились, но еще крепко держались за землю и обещали простоять полвека, а то и более.

Следом за мной с парохода сошли и другие пассажиры, прибывшие из Вологды в командировку. Один из них — придиричивый ветеринар — по пути в Междуречье критиковал речное пароходство за неудобства на пароходе; другой — финансовый работник — рассказывал в каюте-салоне, что Междуречье до коллективизации находилось под сильным влиянием кулаков и с большими потугами выполняло государственные поставки. Позади всех с пухлым портфелем шел лектор и охрипшим от частых выступлений голосом говорил идущим впереди:

— Друзья, нам надо направо. Помнится мне, Дом крестьянина — с мезонином, вон там, направо, на углу...

Гулко топая по деревянным мостовым, мы подошли к Дому крестьянина. Еще не было и пяти часов утра, а на улице стало светло. До открытия районных учреждений можно было часа четыре отдохнуть. Однако не спалось. Полулежа на койке в Доме крестьянина, я смотрел в окно. Над Сухоней клубился легкий, прозрачный

туман. Пароход отчалил от пристани и скоро скрылся за мысом. Перед восходом солнца яркой утренней зарей окрасился край небосвода. Где-то вдали послышались знакомые мне с детства звуки пастушеской стукалки. Ритмично чередуясь, звуки становились всё слышней и слышней. Я скинул с себя одеяло и облокотился на подоконник. Парнишка лет пятнадцати, в высоких резиновых сапогах, в кожаном картузе, нахлобученном на глаза, важно вышагивая по сельской улице, ловко, двумя палками барабанил по сухой и весьма звонкой ольховой доске, на привязи висевшей у него на шее. Вот точно так же в детстве, в такую же раннюю пору, будучи подпаском, я барабанил, будил хозяек, чтобы они настезь открывали ворота и выпускали на дневной выпас коров и телят. Только доска у меня как будто была покороче и пошире... В раскрытое окно я громко подбодрил проходившего мимо подростка:

— Музыки больше, музыки!..

Парнишка посмотрел на меня прищуренными глазами и, улыбаясь, ответил:

— Сами с усами, знаем, как надо! — и, продолжая свой путь в дальний конец села, словно дятел, долбил: — Тук-тук, тук-тук... За ним, как по команде, из переулков выходили на улицу и, медленно раскачиваясь, двигались к прогону в поскотину дородные, упитанные красули и пеструхи.

Спать уже было некогда. За рекой Сухоной, над бесконечными междуреченскими и тотемскими лесами всплыло солнце, и от его ярких лучей быстро рассеялся остаток тумана в понизовьях. Отчетливей вырисовывались лесные дали, за которыми скрывались незримые, но давно известные мне древние деревни: справа — Дороватка, слева — Наремы, где еще двести пятьдесят лет тому назад по особому заказу поспешно строились струги и баржи Петру Первому, не раз путешествовавшему со своей свитой из Москвы в Архангельск.

Через два часа после того как утреннее радио потревожило временных жильцов Дома крестьянина и одновременно отозвалось где-то на площади, я отправился к секретарю райкома партии.

Районные учреждения разместились в Доме Советов — большом бревенчатом здании. У входа в райком — видевший виды, изъездивший десятки тысяч километров

легковой автомобиль. В райкоме многолюдно. Слышатся разговоры о посевной. Помощник секретаря вызывает сельсоветы Междуречья на районную радиоперекличку.

Сухощавый, длинноволосый, с морщинистым обветренным лицом, секретарь сидел за столом и слушал информацию зампредрика о посевных делах в районе.

Здороваясь со мной, отрекомендовался:

— Петряшов... Садитесь.

Узнав о цели моего приезда в район, секретарь одобрительно сказал:

— Так, так... Значит, к нашей междуреченской знаменитости пробираетесь... Писать о ней хотите. Доброе дело! Хороший опыт надо пропагандировать, пусть народ знает и пользуется.

Я попросил секретаря помочь мне поскорей попасть в колхоз «Буденновец».

— За этим дело не станет, — спокойно ответил секретарь и откинулся к маленькому столику, на котором солидно стояли два воронёных телефона.

— Девушка, соедините меня с Шейбухтой... Алло! Шейбухта, говорит Петряшов; скажите, пойдет сегодня из «Буденновца» автомашина в Шуйское?.. Что? Ушла уже в Исады? Плохо дело. Ну ничего, обойдемся. — Положив трубку, он предложил мне еще отдохнуть и пообещал заехать за мной на своей машине.

В Доме крестьянина я просматривал подшивку вологодской газеты «Красный Север» с целью найти что-нибудь о Люсковой. Два номера газеты были почти целиком посвящены ей. В одном из номеров газеты академик Сергей Семенович Перов — вологодский уроженец — во время выборов в Верховный Совет СССР, поддерживая достойную кандидатуру Люсковой, писал:

«...Знатная свинарка советской страны Александра Евгеньевна Люскова своей работой не только поднимает высоко практику сельского хозяйства, но и пролагает новые пути в науке.

Мы, академики, считаем ее принятой в нашу ученую семью в качестве доктора наук, пока без диплома. Талант Люсковой и ее преданная работа для Советского Союза гарантируют успешное выполнение ею высоких обязанностей депутата Верховного Совета».

Ниже под этой авторитетной заметкой следовали письма профессоров, студентов, колхозников из разных

краев и областей нашей страны. В этих письмах были восторги, вызванные результатами работы Александры Евгеньевны, и были к ней просьбы — поделиться своим опытом...

Пока я внимательно читал материалы о Люсковой и делал выписки, к Дому крестьянина подъехали на автомашине секретарь райкома и зампредрика. Они направлялись в Февральский сельсовет, я — в Шейбухту, к Люсковой.

Ехать пришлось не очень долго. Плохая, изъезженная и немощеная дорога вела нас от Сухонского Междуречья к Святогорью мелкими перелесками. Когда-то здесь были дикие леса, на месте которых образовались деревушки, принадлежавшие то воеводам, то отставным опричникам, ставшим помещиками, то ростовским митрополитам. Часть деревень в Междуречье до сих пор так и называется по старой памяти — «Митрополией». Сюда когда-то приезжали «на покой» престарелые митрополиты и доживали последние дни своей жизни за крестьянский счет...

Зампредрика Полежаев, круглолицый, коренастый, подвижной и разговорчивый, показывая на эти деревни, говорил:

— Вот тут справа, за оврагами, на речке, построен усовершенствованный механизированный маслодельный завод. А влево — на Шейбухте, в гуще деревень, стоит механизированный льнозавод. С того бугорка, если подняться, видны будут их корпуса и трубы.

Секретарь райкома, сидевший рядом с шофёром и до этого говоривший с ним о карбюраторе, о полном ремонте автомашины и о перекраске ее в другой, более веселый цвет, обернулся к нам и заговорил об урожае, который еще и не предвиделся.

Но секретарь не первый год знает свой район и, видимо, заканчивая сев в районе, угадывает, каков будет урожай.

— Земля здесь прекрасная! — говорит он. — Ни камешка на полосах, поля покатые, сырость не задерживается, вымочек не будет, а что касается засухи, кто же о ней в Вологодчине думает. Край наш, вообще, влажный... Должен быть урожай хороший...

Машина свернула с широкого тракта, размытого весенними потоками, и мягко помчалась по зеленеющему

проселку. На бугре стояла деревенька в пять-шесть домов; в стороне — длинный, приземистый скотный двор; с бугра видны и многие другие деревни с ветряками и силосными башнями. Несмотря на выходной воскресный день, за кустарником, на черноземных полосах, там и тут синел дымок и доносился приглушенный стрекот тяжелых тракторов. Поля пересекались линиями гудящих телефонных проводов, которые тянулись не только к сельсоветам, но и к заводам, и к колхозным правлениям, и в сторону речки Шейбухты к свиноферме колхоза «Буденновец».

— Да, лицо района заметно изменилось, — не без удовлетворения заметил секретарь райкома, — вы говорите, бывали здесь лет двадцать тому назад. Ну как, есть ведь разница? — и, не дожидаясь ответа, продолжал: — В наше время никому не позволено жить без движения вперед. Живи, стремись, двигайся, достигай... На примере той же Люсковой вы в этом убедитесь. А главные изменения впереди.

— Саша, — обратился Петряшов к шофёру, — останови здесь машину, мы с Полежаевым дойдем до Февральского сельсовета напрямик, а товарища довези до «Буденновца». Там остановись у правления колхоза. Через Шейбухту не езд, побереги машину, не застрянь.

Мы поехали вдвоем с шофёром.

Вот и деревня, небольшая, в несколько дворов. Тихо. Люди на посевной. Только у крайней избушки, под березой, распустившей чуть заметные золотистые лепестки, сидит парнишка-подросток и растягивает тальянку. Шофёр круто повернул машину вокруг колодца, подъехал к правлению колхоза.

Колхоз «Буденновец» объединяет несколько некрупных малонаселенных деревень Междуреченского района. Деревни окружены полями, лугами и виднеющимся неподалеку лесом. Правление колхоза разместилось в доме из двух комнат: в одной — контора, в другой — кабинет председателя. Председательское место часто бывает пусто, ибо председателю колхоза приходится постоянно бывать то на пашне, то на мельнице, то около амбаров с посевной пшеницей, то на овцеферме и на свино-

ферме у Люсковой. Забот и хлопот у председателя по горло.

В конторе колхоза на стенах обилие портретов, плакатов, а под потолком кумачовый аншлаг:

«Слава тебе, верная дочь нашей Родины, отдающая все силы и знания делу строительства коммунизма!»

На простенке, между окон, портрет Люсковой с надписью: «Гордость советской зоотехнической науки».

В правлении колхоза несколько женщин; среди них и уборщица-сторожиха, сведущая в правленческих делах. Она ничего не пропускает мимо своих ушей, всё слышит, обо всем знает. От нее я и узнал, что совсем недавно в «Буденновце» справляли пятидесятилетний юбилей знатной свинарки.

— Сначала-то хотели тихонько, без шума справить, ну выпить, закусить. А потом видим — юбилей-то в настоящий колхозный праздник обернулся! Как посыпались телеграммы — только знай принимай! И от секретаря из обкома, и от самых-то главных академиков по сельскому хозяйству, от министра сельского хозяйства, и от колхозов, и от учреждений. Никогда еще так в Шуйском телеграф не работал...

Другая женщина вмешалась в разговор и добавила:

— При советской власти человек хорошими делами славится. И всем нам приятно, что у нас в колхозе есть такая женщина. И обыкновенная, как многие, и прославленная на всю страну — как самая передовая! Сам товарищ Сталин ее знал. Это факт! На юбилей к нему ездила, да не просто как гостья, а в юбилейном комитете была и в президиуме сидела. Порасспрашивайте, сама она лучше об этом расскажет. А когда ее выбирали в Верховный Совет, она по сухонским деревням ездила; более тысячи верст на лошадях. И везде о своих способах свиноводства рассказывала. Хочется и нам, и ей, чтобы Люсковых-то было побольше...

И опять продолжала сторожиха:

— Я того числа в колхозном правлении дежурила. Вдруг звонок. Из райкома звонят. К Люсковой целый грузовик гостей едет, семнадцать человек! Да своих тут набралось душ тридцать. Как на большой свадьбе. Пришлось в избе заборку выломать, столы сдвигать, и тогда всем места хватило. Долго веселились!

— А ведь прямо на удивление! — говорит еще одна

колхозница, — раньше, до коллективизации, в нашем районе о свиноводстве и помину не было, а тут — пожалуйте, мировые рекорды!.. Помню я, до революции, маленькой еще была, цыгане разъезжали по деревням и свиношку как невидаль показывали и за этот показ копеечки с нас выманивали. Еще мы дивились в ту пору, что за животинка? Хвост крючком, рыло пяточком! А теперь? Ба-а-тюшки!.. Да какие свиньи, какие хряки, хоть всех до одного на выставку!

Из дальнейших разговоров с колхозницами я узнал подробности о работе Люсковой.

~1931 год. Неизвестно, кому первому из колхозников или колхозных руководителей Междуречья пришла в голову мысль о том, что свинья — животное полезное и что есть смысл заняться свиноводством.

Началось с малого и простого.

В деревне Потькино жила (и поныне здравствующая) трудолюбивая колхозница Манефа Корюкина. Она ездила в город на курсы животноводов. Возвратилась в свой колхоз с полдюжиной свиночек. Нельзя сказать, что эти первые свиньи в деревне Потькино были встречены приветливо. Мужики ворчали и доказывали, что свиньям в грязи жить привычно, поэтому не нужно им никакого стойла, сами себе найдут место. Другие смотрели на свиней, как на бедствие: «Они в полях хлеб сожрут и притопчут; они и кур всех переловят. Зачем заводить канитель с этой животиной? Лучше не придумать, как всех сразу под нож!..»

Манефа Корюкина не сдавалась. Она ухаживала за свиноматками по всем правилам, усвоенным на курсах, и за год вырастила приплод — 92 поросенка. Для начала это было очень много. Такой приплод вызвал у одних колхозников восторженное удивление, другие оставались верны своим взглядам и негодовали:

— Куда такая прорва! Да они похуже кротов все поля взроют, тогда хлеб хоть на деревьях выращивай...

Кое-кто в соседних колхозах стал думать иначе: «У Корюкиной стадо свиней, дело выгодное, а мы чем хуже, не попробовать ли и нам?..» И вот, следуя примеру Корюкиной, в соседнем колхозе «Передовик» приобрели свиноматку какой-то иностранной породы. Такую же свиноматку добыл и колхоз «Перелом». Но там не было свинарок, подобных Корюкиной, и результат получился

неутешительный: свиноматки опоросили мертвых поросят. А у Манефы Корюкиной в колхозе «Буденновец» появилась свиноферма. Число свиней и поросят переваляло за сотню.

В те дни и пришла к Манефе в ученицы и помощницы Люскова Александра Евгеньевна. Тогда она была незаметная, молодая трудолюбивая колхозница. Зная крутой нрав Манефы Корюкиной, ее настойчивый характер, некоторые соседи уговаривали Люскову:

— Зачем ты к ней идешь в помощницы? Она тебя загрызет!

Но Люскова была подстать Корюкиной, не боялась приложить руки к любому нелегкому труду. Конечно, у нее нет знаний и опыта по свиноводству, которыми уже обладала Корюкина, но ведь она затем и пришла к ней работать, чтобы поучиться и получить опыт.

Всерьез и надолго бралась Александра Евгеньевна за новое, непривычное для нее дело. Верным чутьем Манефа Корюкина определила способности Люсковой. На собрании решили: 25 поросят передать Люсковой, пусть выращивает...

Но куда их девать? Общего колхозного свинарника тогда еще не было, а такое стадо должно быть под постоянным заботливым присмотром.

— Веди на свой двор, — предложила Манефа, — и ухаживай. Если будут недоразумения, зови меня, вместе всё уладим.

Двор у Люсковой, пристроенный к старой избе, никогда не был богат скотом. Крупные щели в пазах не обещали тепла поросятам; между тем надвигалась зима, суровая, вологодская, и надо было сразу же позаботиться об отоплении помещения. Вместе с мужем, Александром Алексеевичем, Люскова отремонтировала свинарник. Кипятком размачивали промерзшую, тяжелую, как свинец, глину и замазывали все щели и пазы. Вокруг двора прорыли канавку, чтобы навозная жижа не держалась в свинарнике под часто сменяемой соломенной подстилкой.

Шли дни за днями. Александра Евгеньевна быстро привыкла к новому для нее делу; она убедилась, какую пользу приносит колхозу размножение общественного стада, работала с воодушевлением, радовалась каждому

успеху и не переставала учиться у старшей опытной сви-нарки Корюкиной...

Однажды летом разбушевалась гроза. Яркие вспышки молнии сопровождались оглушительным громом. Перепуганные свиноматки со всем поросычьим стадом забились во двор Корюкиной. Многие колхозники находились тогда на сенокосе. Деревня была почти безлюдна. Только старые и малые, закрыв окна и калитки, беспокожно ждали, когда, наконец, рассеется грозовая туча. И вдруг от удара молнии вспыхнула изба и крытый соломой двор Корюкиной. Манефа не бросилась спасать свое личное имущество. Рискуя жизнью, она кинулась в горящий двор, распахнула ворота и выгнала свиноматок на улицу. Поросята в страхе жались по углам и не хотели покидать охваченный пламенем двор. На руках и в подоле сарафана Манефа с большим трудом вытаскала их всех за ворота, и пока спасала от гибели колхозное стадо свиней и поросят, в избу уже нельзя было проникнуть ни через двери, ни через окно. Весь домашний скарб Корюкиной сгорел. Колхоз помог ей построить новый дом и возместил причиненный пожаром ущерб.

Люскова в это время находилась в больнице и не могла прибежать на пожар. А когда узнала о самоотверженном поступке свинарки Корюкиной, при первой встрече со слезами на глазах расцеловала ее.

За первые пять лет существования колхоза «Буденновец» на свиноферме был получен приплод свыше тысячи голов. Корюкина участвовала на Всесоюзном совещании колхозников-ударников и была награждена орденом Ленина.

Следуя примеру Корюкиной, обогащаясь опытом и знаниями, росла и крепла ее надежная помощница — Александра Люскова. Под старость Корюкиной не под силу стало справляться с делом, и она сдала свиноферму в «Буденновце» Люсковой...

С тех пор имя Люсковой всё чаще и чаще стало встречаться на страницах газет, в брошюрах, в учебниках по свиноводству, в журнальных очерках, в плакатах. Деятельность ее показана на экране кино. Колхозница-свинарка стала Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии. Вот уже третий раз она избрана депутатом Верховного Совета СССР. Требуемая к себе и другим, она неустанно борется за самые

высокие показатели и добивается, чтобы способы ее работы в свиноводстве применялись всюду и давали такие же результаты, как и в колхозе «Буденновец».

Обо всем этом я узнал от колхозниц в правлении «Буденновца» и записал вкратце некоторые цифровые сведения о работе прославленной свинарки:

«А. Е. Люскова около двадцати лет работает на свиноферме. За это время она лично вырастила более 7000 свиней без единого случая падежа».

«В 1942 году А. Е. Люскова получила от одной свиноматки потомство в 106 поросят, общим весом 4910 килограммов, а за 15 месяцев 1943—1944 гг. вырастила от одной свиноматки 128 племенных поросят, из них 107 классом „элита“».

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

...Узкая тропа ведет от правления колхоза по луговине к извилистой речке Шейбухте. Ольшаником и густым ивовым кустарником окаймлены берега этой незатейливой тихой речки, незаметной и, конечно, не воспетой ни одним из поэтов. Тогда, как здесь на возвышенном берегу Шейбухты, за недавно посаженной березовой аллеей, на свиноферме Люсковой творится настоящая поэзия вдохновенного колхозного труда.

Здание свинофермы видно издалека. Крепкие стены из толстых новых бревен выложены между кирпичных столбов. Большие поперечные окна в каждом простенке. На крашеной железной крыше множество дымоходных труб от печей, согревающих зимой свиноферму, и труб вытяжных, вентиляционных. От свинофермы наискось к дому-пятистенку, крупно шагая в добротных сапогах, в темносинем сатиновом халате, идет Александра Евгеньевна. Разрумяненная, быстроглазая, с хитринкой во взгляде, она протягивает крепкую руку, коротко и привычно рекомендует:

— Люскова. А вы кто будете?.. Ну, добро пожаловать! Сразу на свиноферму я вас не поведу. Сейчас свиноматки и поросятки после кормежки отдыхают, так что беспокоить их во время отдыха мы не будем. А поскольку вы интересуетесь свинофермой и нашей работой, то мы пройдем сначала на старую свиноферму, по пути я кое-что вам и поведаю...

Мы вышли на участок свинофермы. Здесь посеяны овес, ячмень, клевер и посажен картофель — всё это будет на зиму кормом для свиней. За кормовым участком, в кустарнике, на извороте Шейбухты — старый двор свинофермы, превращенный теперь в овцеферму. Мы направились туда.

Александра Евгеньевна — женщина словоохотливая. Делясь коротко воспоминаниями, она рассказывала о себе:

— Выросла я не у богатого места. Вот тут по соседству, в деревне Коцине родилась. Работать начала с десяти лет. Сызмала любила полевую работу. Жала проворно. За день-то груд двадцать пять, по десять снопов в каждой, выставляла. Бывало матери и пожалуюсь: «Ой, мама, спина болит, не могу сгибаться». А она и отвечает мне: «Молчи, Санька, а то от дум да от жалоб еще большей спине будет. Примета есть такая...» Ну и молчу, а в пояснице ломота сама за себя говорит. Бывало до того дожнешь, что ничком падаешь... Работали, работали, а толку никакого. Облегчение в жизни и настоящую радость в труде почувствовала только в колхозе. А иногда нет-нет да и вспомню свою девичью молодость, как бывало праздники да воскресенья в гулянках проводили. Молодость свою только во сне да в воспоминаниях теперь и вижу. Есть тут у нас Григорьева гора за деревней Лемцино. Туда мы в «Качульное заговенье» развлекаться ходили. Ох, и весело было! Качели, карусели, гармошки, песни-коротушки, и сама иногда была мастерица вместе с девками подтянуть:

У качули девки чули,
Чего дроля говорил.
Пятачковую конфетку
На свиданье подарил...

Полюбила паренька,
Умногу детинушку;
Он толкует про любовь,
А я — про скотинушку...

В наших местах, сами знаете, молодежь и раньше и теперь горазда на частушки...

Подошел колхозный агроном, молодой белокурый парень, видать, недавно кончивший техникум. Поговорил с Люсковой о подсеве клевера на засеянные овсом

полосы прифермского участка, о дополнительном севе корнеплодов и других делах, имеющих отношение к свиноферме.

— Вот так и делай, хорошо будет, — заметила Люскова агроному. И, забыв обо всем прочем, пригибая пальцы, стала подсчитывать: — Много нам понадобится. Много! В прошлом году мы на своем участке собрали около ста центнеров ячменя и овса, сто сорок центнеров картошки, полтора ста центнеров корнеплодов. Это наша кормовая база. Думаю, что и нынче урожай не подведет, земля вся в соку, добрая земля в Междуречье...

Около старого свинарника небольшая, в три окошечка по фасаду, избушка. Вокруг нее садик, огород. Заходим в избушку. Здесь помещается сторожка овцефермы.

Люскова садится на лавку, продолжает делиться своими воспоминаниями:

— Мы тут жили: я с мужем и семеро наших детей. Кто на полатах, кто за печкой, кто на лавках, кто на полу; всем хватало места. В тесноте, да не в обиде. Теперь у нас новая, хорошая изба, не изба — палата... И вот каждый раз, когда захожу я в эту самую старую избушку, всегда вспоминаю, как в колхозе жить начинала...

Александра Евгеньевна выглянула в открытое оконце, задумалась. Видимо, неудобным считала она рассказывать о себе. Как бы чего постороннему человеку не показалось хвастовством. За окнами хижин-сторожки чувствовалась весна. Желтогрудые птички чирикали на деревьях. Чуть заметно распускалась черемуха, распространяя вокруг приятный запах. За осинником журчала Шейбухта. Где-то в стороне скрипели телеги. Свободные от школьных занятий ребята шумели на берегах реки, высматривая в бочагах увертливых щук. Ребячий гомон на Шейбухте напомнил Александре Евгеньевне о ее старших детях, которые когда-то так же силками и садками преследовали щурят и окуней, так же шумели в этих местах. Они, родные, в армии служат, чем-то они заняты в этот час, в эту минуту!

Люскова распахнула окно, подозвала меня:

— Я вам всё показываю да рассказываю. А у самой всё, что в памяти сбереглось, так и проплывает перед глазами. Сынок мой Анатолий сейчас офицер. Служит далеко-далеко, на Сахалине. А вот под окном березка

А. Е. Люскова за учебой.

стоит. На стволе, гляньте, буквы А и Л. Он когда-то вырезал. И за это я его бранила. Березке, однако, не повредило такое клеймо, а мне об Анатоле память. Здесь вот, в тени, в углу под самую крышу яблонька подпирает — он посадил. Надо бы пересадить ее на другое место, где побольше солнышка, да по-мичурински прививку сделать. Дождусь, приедет в гости или насовсем, пусть сам, своими руками пересаживает...

В весенние сумерки мы шли с Александрой Люсковой обратно к ее дому, что вблизи от новой свинофермы. Под окнами желтели два улья и смолистыми пятнами чернела вскопанная земля для посадки плодовых деревьев.

— Всё одно при другом должно быть; всё, что на пользу дела. — Она остановилась на взгорье, обвела вокруг ясными глазами и рассказала, что со временем по колхозным планам тут должно быть.

— А быть должно многое, и будет. Прежде всего — плодовый сад по ту сторону березовой аллеи. Тут и

яблони, и вишни, и крыжовник, и прочие деревья и кусты появятся нынче. Сама в Вологду поеду за саженцами. Вокруг свинофермы будет поставлен забор; хочется, чтоб и электричество было. Обещают к осени провести. Недостает при свиноферме кое-каких вспомогательных построек, и они появятся.

Александра Евгеньевна посмотрела на розовеющий закат, уходящий прямо на север, и, повернувшись на восток, показала рукой.

— Сахалин в той стороне. Анатолий там. Сейчас у них утро, а у нас сумерки. Действительно, как в песне: «Широка страна моя родная!..»

В ОДИН ИЗ ВЕЧЕРОВ

Короток весенний вечер в Междуречье, но Александра Евгеньевна выбрала свободный часок посидеть дома за столом, за письмами, которые часто поступают к ней и как к депутату, и как к знатной свинарке страны. В бумагах она разбирается медленно, вдумчиво. Прочитанные письма складывает на угол стола для ответа. Тишина в избе и на улице. За заборкой спят уgomонившиеся после дневной беготни дети. Из соседней комнаты доносится запах махорочного дыма: к мужу Люсковой — Александру Алексеичу — пришли покурить соседки-колхозники. Поговорив о сегодняшних и завтрашних делах колхоза, они с увлечением стали разговаривать о чем-то отдаленном, полузабытом. До моего слуха долетают отрывочные фразы их простой беседы:

— Бывало, в молодости, за фунт кренделей я Сухону переплывал взад-вперед в самом широком месте против Шуйской церкви... — говорит один из невидимых мужиков, а другой дополняет:

— А я помню, в мальчишеские годы, когда ходил на большом пароходе по Двине, то сверх платы прирабатывал 18 копеек в месяц за то, что разливал чай за общим столом восемнадцати грузчикам и матросам. Пили они по три раза в день, да от пяти до десяти стаканов каждый. Вот как денежку-то добывали!..

— Нынешняя молодежь таких «прелестей» не знает. Нынче легче живется...

И слышу более сдержанный, тихий голос того же, видимо, старика:

— Опять к Александре Евгеньевне какой-то корреспондент приехал из города... (Речь шла обо мне, потому голос снизился до шёпота). — Что ж, описывать то, другое, третье — дело легкое. А вот попробовал бы он получить от одной свиноматки в год 106 голов поросят! Вот вам и Люскова! Вот вам и «Буденновец»!

Помолчали. Хозяин стал рассказывать, как он воевал в Карелии. Другой, вероятно, не первый раз, говорил тоже о себе:

— Я и с Вильгельмом воевал, и с Гитлером, а жив остался. Жаль вот двух сынов в войну потерял. Ничего не поделаешь! Но то, что опять люди стали жить мирно да хорошо, это произошло не только благодаря нам, живым, но и благодаря моим сыновьям, сложившим свои головы за то, чтобы отстоять Родину...

Стали расходиться. Шаги по лестнице и голоса в вечерней полутьме скоро затихли. Хозяин, прикрыв дверь, прилег на дощатый диван. Ему рано ехать на мельницу за мукой и отрубями на подкорм свиному стаду.

Просмотрев все письма, доставленные последней почтой, Александра Евгеньевна сняла очки и заговорила.

— Опять столько писем, столько писем, а я отвечать не быстра и не горазда. Спасибо, учительница помогает. Она пишет, а я ей подсказываю. На многие письма надо бы посылать мою книжку или плакат, на листочке бумаги всего не распишешь. Вот посмотрите, кто чем интересуется...

Я беру из пачки несколько писем и начинаю читать.

Из колхоза «Золотая гора», Кингисеппского района, Ленинградской области, пишет колхозница Домна Сладкевич:

«Дорогая Александра Евгеньевна! Опишите, как, чем надо маток кормить, чтобы молока было больше, а то у них очень мало молока. И как кормить и лечить маленьких. Понос замучил поросят, прямо хоть беги с работы. В нашем месте были фашисты два с половиной года, поразорили немало построек. Свиной негде содержать. Сгружены в тесноте, наверно и от этого им худо. Видела я вас на плакате. У вас свинки в руках, как огурчики. Нам бы таких вырастить! Научи, Александра Евгеньевна...»

Из Смоленской области, из деревни Прокудино, Дорогобужского района, зоотехник Тамара Немцева обращается к Люсковой: «У меня небольшой опыт работы, а в одном из обслуживаемых мною колхозов большое несчастье: за два месяца пало 35 поросят. Александра Евгеньевна, сообщите примерные рационы кормления зимнего, весеннего, летнего периодов, и как производить подкормку поросят, и опишите технику кормления...»

Из Новосибирска директор треста столовых Пешков официально запрашивает: «Настоящим прошу поделиться с нами разработанным вами малоконцентратным типом кормления свиней, который мы решили применять на наших свиноводческих фермах...»

— Ишь ты, какие приткие, — замечает Люскова, — еще не знают, в чем дело, а уже решили применять!.. Прежде чем что-либо применять, надо проверить на опыте, да не раз и не два. Такое дело наспех не делается... А вот гляньте, какое хорошее письмо солдаты пишут...

Бойцы поздравляют Люскову с успехами и заверяют: «Мы, бойцы, зорко охраняем труд наших людей и завоеванный мир во всем мире, и если нападут черные силы империалистов, мы грудью встанем на защиту нашей Родины. Вы, Александра Евгеньевна, трудясь для счастья нашего народа, можете спокойно работать, добиваться еще больших успехов».

Пока мы разбирались в письмах, — время подошло к полуночи. Со свинофермы прибежала помощница Люсковой и тревожно сообщила, что одна из свиноматок вот-вот должна опороситься. Александра Евгеньевна, не проронив ни слова, быстро собралась на ферму. Там она провела всю ночь в наблюдениях за свиноматкой, не сомкнув ни на минуту глаз.

Я знакомился с сельскохозяйственной мичуринской библиотечкой знатной свинарки. Тут были обстоятельные труды ученых — академиков и профессоров, и брошюры передовых колхозников и колхозниц, деливших опытом своей работы. Открываю брошюру саратовской свинарки А. Р. Шленсковой «Мой опыт выращивания поросят»; оказывается, свинарка Шленскова уже знакома через печать с Люсковой и методами ее работы.

«Достала я книги по свиноводству, — пишет Шленскова, — и вечерами на досуге стала заниматься. Много мне дало чтение литературы. Так я познакомилась с опытом работы знатной свиноводки А. Е. Люсковой, которая известна всей стране как мастер по выращиванию свиней... После чтения книг по свиноводству мне стала ясна причина неполадок в работе нашей свинофермы...»

Утром, чуть только стало светать, Александра Евгеньевна торопливой походкой вернулась со свинофермы. На кухне скинула с себя спецовку, тщательно умылась.

Спрашиваю:

— Ну как, Александра Евгеньевна, всё благополучно, без падежей?

Она ответила бойкой скороговоркой:

— Что за вопрос? Опорос есть опорос. Пятнадцать штук один за другим, и все как яблочки! Чистенькие, здоровенькие! А падежам да склонениям пусть учительница по русскому языку моих детей учит. Я склоняться не люблю и слова падеж не терплю. В каждом человеке должна быть твердость, любовь к делу и взгляд вперед. Тогда всё будет хорошо да ладно. А вы что не спите?.. Давайте тогда чай пить. Пока у меня до кормежки стада есть свободное время.

Самовар быстро оказался на столе, заставленном чайной посудой. Одновременно в загнете на сковородке поспела яичница со свиной. Запах такого вкусного завтрака был убедительней всяких приглашений. Работящий супруг Александры Евгеньевны подвозил к ферме корм. Несмотря на раннее утро, председатель колхоза Фатаев позвонил по телефону Люсковой насчет ее поездки в Вологду за саженцами, о сдаче лишних поросят и свиней Госплемсовхозу и еще о каких-то неотложных делах. Время у Александры Евгеньевны, как я понял, точно рассчитано и распланировано; поэтому надо было как-то успеть с ней побольше поговорить, ближе и глубже познакомиться с ее деятельностью. За чаем разговор возник сам собой; о незабываемых встречах рассказала мне Александра Евгеньевна:

— Меня один академик назвал доктором наук без диплома. В журнале «Огонек» меня так и окрестили — «профессор передовых методов», и в семи видах фотографии напечатали. Всё это почетно и лестно, ко всему этому можно привыкнуть и принимать как заслуженное.

Но вот когда я узнала, что меня включили в Москве в комитет по празднованию семидесятилетнего юбилея товарища Сталина, как я обрадовалась! Что я передумала и перечувствовала! Сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Сильно волновалась. В Москве я, конечно, бывала много раз. Бывала на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, бываю на сессиях Верховного Совета. А тут — приглашение на такой юбилей! Время пришло, помощницам полный наказ дала, что делать, как быть, и поехала... Всего не рассказать, дорогой товарищ, одно скажу — это было большое торжество. Во век не забудется такое. В Большом театре в президиуме сидела с правительством, тут и Сталина близехонько видела. Овации без конца. А как пришли приветствовать Сталина пионеры да Красная Армия — расчувствовалась. Слезы у меня по щекам так и текут. Сижу, как зачарованная, и думаю: «До чего я, свинарка, дожила!..» Потом свою прежнюю жизнь вспомнила. Музыка гремит, а я вроде ее и не слышу, гляжу то на Сталина, то в зал многоярусный, золоченый, переполненный народом; чувство такое, будто я куда-то на крыльях лечу, ног под собой не чувствую... Однажды обедали в Кремле, в Георгиевском зале. В Грановитой и в Оружейной палатах была, чего только не насмотрелась. А на банкете в гостинице «Москва» были мы вместе с гостями из Китая; так мы на китайских гостей как на своих родных братьев и сестер смотрели. Чокались, выпивали за здоровье друг друга.

За нашим столом, где я сидела, со мной были работница из Ленинграда со «Скорехода» — жаль, фамилию ее не запомнила, а вторая — доярка Малинина из Костромской области. У той три ордена на груди, тоже депутат, лауреат и Герой. И еще сидели какие-то иностранцы — гости. Они на нас посматривают и через переводчицу спрашивают — кто мы такие? А та им и отвечает — про меня и Малинину: «Это, — говорит, — одна вологодская свинарка, а другая костромская доярка», — и назвала наши фамилии. Иностранцы переглянулись, пожали от удивления плечами. Тогда мы и говорим им через переводчицу:

— Тут никакого дива нет. Сталин любит тех, кто хорошо работает. Мы сегодня его гости. Он нас знает...

НА НОВОЙ СВИНОФЕРМЕ

После долгих и интересных разговоров, Александра Евгеньевна предложила сходить с ней посмотреть новую свиноферму.

Накинув поверх одежды синие сатиновые халаты, мы вышли на улицу. Свеж и чист утренний весенний воздух. Дышится легко и приятно. Свиноферма совсем близко — в ста метрах от квартиры Люсковой. Слышится хрюканье и повизгивание. На ферме двадцать породистых свиноматок, пара хряков и не менее ста пятидесяти поросят различного возраста.

Заходим на кухню свинофермы; выбелено, вычищено, пол вымыт, выскоблен до желтизны. В огромных баках греется вода — варится для свиного стада особая каша. Около печи расставлены кадки и бочки с кормами, тут же жмыходробилка. Из-за стены по деревянному жёлобу журчит, стекая в бочку, вода. Две женщины, помощницы Люсковой, заняты работой на кухне.

— Будьте знакомы, — говорит Александра Евгеньевна, — это мои помощницы: лауреат Сталинской премии Анна Ивановна Аносова, а это — Короткова Лидия Николаевна, Герой Труда, и тоже лауреат. Обе коммунистки. — И, обращаясь к ним, спрашивает:

— Ну, девушки, как у вас, всё готово?

— Готово.

— Давайте посуду, начнем кормить.

Засучив рукава, Александра Евгеньевна быстро и ловко стала пригоршнями накладывать в подставляемые вёдра корм. Тут были и жмыхи, и клевер, мелко изрубленный, поджаренное зерно, корнеплоды, мука, соль и даже толченый уголь. Наливая в вёдра теплую воду, Александра Евгеньевна руками месила густое варево, издающее необычайный смешанный запах. Причем, даже со стороны, неискушенному и неопытному глазу казалось, что Люскова, составляя для свиноматок «меню», отнюдь не придерживается одинаковых норм при закладке в вёдра того или другого кормового состава.

В этом, оказывается, была и расчетливость, и строгий индивидуальный подход к кормлению животных. Каждый раз, замесив ведро корма, Александра Евгеньевна подсказывала своим помощницам:

— Это ведро отнесите Люсе.

— Это Бабусе.

— А это той, бойкой Партизанке.

Она знала их всех, знала физическое состояние животных, возраст, и, наконец, знала, давно ли свиноматка опоросилась и когда должна вновь увеличить стадо свинофермы.

Мне было известно, что свиноматки на ферме в «Буденновце» носят только несколько кличек, идут от двух породистых линий — Ялты и Июньки. Эта порода крупных белых племенных свиноматок выпестована Люсковой благодаря ее вдумчивой и кропотливой работе на свиноферме. Выращенные племенные свиньи и поросята в результате подбора высококачественных пар, правильного кормления, ухода и содержания, по своей молочности, плодовитости и прочим качествам превзошли породу известных английских свиноматок. Так возникла порода июнек и ялт. Для различия и учета к этим названиям свиноматок приставляется особый порядковый номер. Но тут я услышал, что каждое ведро замешанного корма рассчитано и адресуется на какие-то другие имена свиноматок. И Люскова мне пояснила:

— Да, в учетных книгах они значатся как Ялты да Июньки и под номерами, а для удобства в повседневном уходе за ними мы между собой называем их еще условными прозвищами.

Когда все свиноматки были накормлены, Люскова с помощницами приступила к подготовке общего рациона для поросят, относящихся примерно к одному возрасту.

Из кухни через слабо освещенный коридор мы прошли в «главное зало» свинарника. Посредине — широкий проход; по сторонам за деревянными решетками отдельные стойла, оборудованные по всем правилам зоотехнической науки. Крупные, породистые свиноматки, одни из самых лучших в нашей стране, — каждая в отдельном стойле, — выглядят привлекательно, словно на выставке. Только мы направились посмотреть на крохотное потомство недавно народившихся малышей, как из раскрытых общих помещений навстречу нам, грохоча копытцами по деревянному полу, с визгом кинулось стадо поросят — штук полсотни. Все они вроде бы сверстники, и по размерам и внешности напоминали не то пудовички белой муки, не то крупные сахарные головы.

— Этой «публике» скоро придется расставаться с нашей фермой, пойдут в Госплемрассадник и по колхозам, — заметила мимоходом Люскова.

— А куда они так кинулись?

— В свою «столовую»: в том конце свинарника, в особых помещениях для них приготовлен общий завтрак. Они знают, куда им надо бежать, приучены!..

Поразительная белизна и опрятный вид поросят и свиноматок на свиноферме «Буденновец» — обычное явление. Чистота в стойлах, аккуратное кормление, мытье животных теплой водой с мылом и вообще правильный, заботливый уход за стадом способствуют всестороннему развитию и росту племенного породистого поголовья.

Неспеша мы обошли всю свиноферму, очень схожую с наилучшим сельскохозяйственным выставочным павильоном. Только павильоны обычно строятся временно и преследуют показательную цель. Свиноферма же воздвигнута прочно, на многие годы. Сюда приходят люди из соседних колхозов и приезжают издалека учиться, перенимать опыт Люсковой и ее скромных старательных помощниц.

Мы зашли в служебное помещение свинофермы. Здесь на широких скамьях сидели пришедшие из других деревень колхозницы. Они пришли с «предписаниями» правления колхоза за поросятами. Зоотехник Карташова беседует с женщинами о нормах содержания молодых поросят. Александра Евгеньевна вооружилась круглыми очками в черной оправе, внимательно перечитывает бумажки с подписями и печатями. Убедившись, что все бумаги в порядке, она говорит своим помощницам:

— Отберите им полдюжины четырехмесячных, самых бойких, пусть в час добрый растут.

Через две-три минуты свиноферма оглашается поросычьим визгом. Без видимого желанья и удовольствия поросята размещаются в плетеных корзинках.

— Чем их кормить в таком возрасте? — спрашивает одна из колхозниц.

— Такие будут жрать что угодно, — замечает другая, берясь за корзину.

— Что значит «жрать»? — возражает Люскова и строго поверх очков смотрит на колхозницу: — во-первых, со свинками надо обращаться повежливей, а во-вторых,

На прогулке.

давно надо забыть, что свиньи едят что попало. Умело, по-научному выращивать свиней и увеличивать их стадо — это будет называться свиноводством; а если легкомысленно, шатай-болтай к ним относиться, так это будет не свиноводство, а свинство... Запомнить вам надо: на пятом месяце поросятам такая суточная норма: смесь концентрированных кормов — кило триста граммов, картофеля вареного — шестьсот граммов, силоса — семьсот граммов и клеверного сена — кило двести граммов. Запомните, что норма концентрированных кормов и дальше остается на этом уровне, но дача остальных кормов должна постепенно увеличиваться и к девятимесячному возрасту достигать: клеверного сена до трех килограммов, силоса и картофеля до полутора килограммов в сутки...

— А какое им «пойло» готовить? — поинтересовалась одна из колхозниц.

— Поить надобно только чистой, свежей водой, до-сыта, вволю.

Когда колхозницы, забрав поросят, ушли, Александра Евгеньевна, покачав головой, обидчиво заговорила:

— Сколько раз я ходила в колхозы, рассказывала обо всем подробно. У меня же нет секретов. Перенимай-те, пользуйтесь. А мне вот кажется, что немногие внима-тельны к моим рассказам. Верно, есть у меня последо-ватели, пишут мне о своих достижениях. Но их могло бы быть гораздо больше... Как вы думаете, — спрашивает Александра Евгеньевна, — не попробовать ли мне напи-сать письмо в областную газету о том, почему мои

способы недостаточно применяются в свиноводстве нашей Вологодской области? Будет ли от этого писания польза?..

— Должна быть. За вашей работой следят, к вашему голосу прислушиваются. Будет польза, Александра Евгеньевна. Напишите в газету.

— Придется написать, — решает знатная свиноводка. — Не совсем гладко получится — грамотеи подправят. — Подумав, добавила: — Жду, когда выйдет еще одна брошюра о моей работе на свиноферме. Составлена с помощью добрых товарищей. Очень пригодится свиноводкам, которые по-настоящему интересуются этим делом. Конечно, книжка — книжкой, плакат — плакатом, а своя забота да догадливость — первые помощники в любом деле. Умом если не поймешь, да сердцем не почувствуешь, так не ахти что и наделаешь... Как-то так получилось, что на свиноферме я и мои помощницы сработались, сдружились, очень любим свое дело и доверяем друг другу. Работаем много. Труд с хорошими результатами окр ляет, поднимает настроение. Живем в такое счастливое время, что хочется работать больше и лучше...

— Но, работая, не надо забывать об отдыхе. Ведь в прежние времена в деревнях отдых считался зазорным, о курортах и понятия не имели. Нынче не те времена... — попробовал я заговорить с ней на эту тему.

Об отдыхе Александра Евгеньевна так сказала:

— В прошлом году меня осматривали врачи, прослушали, простукали и говорят: «Товарищ Люскова, вам нужно нервы подлечить», — и направили меня на южный курорт. Побывала я там месяц и, кажется, поздоровела. Только чем у нас здесь не курорт?! Взять хотя бы наше пастбище. Летом разве плохо?.. В прежнее время такая поговорка водилась: «Сегодня в чести, а завтра свиной пасти». Однако мы не брезгуем пасти свиной. Выходит, мы и свиноводки, мы и свинопасы! Хотите, покажу вам наше пастбище?

Мы вышли из свинофермы. Разгулялся хороший весенний день. Солнце согревало землю. В низинах, на спусках к Шейбухте, начинала зеленеть трава. В стороне, на подлесной целине пахали трактористы.

— Выгон, пастбище или поскотина, как говорили прежде, у нас начинается от самой фермы и раскидывается вон туда, по Шейбухте. — Александра Евгеньевна

на остановилась, обвела глазами вокруг. — Земелькой мы не обижены — ни свиноферма, ни колхоз. У «Буденновца» есть на чем развернуться. Пастбище для свиней — это не пустяки. Каждая свиноферма должна иметь свое пастбище. Особенно в наших северных условиях, где лето короткое. Вот и надо за лето свиноматок и поросят почаще выгонять на отгул, на подножный, зеленый, богатый витаминами корм. Пастбище для стада — курорт. Очень оздоравливает, укрепляет организм животных... У нас место для пастбища выбрано удачно: трава растет сочная; в тени кустарника животные всегда найдут убежище от жары, а в Шейбухте удобно мыть поросят и маток. Так что с выгона наше стадо возвращается на свиноферму всегда сытое, бодрое и чистенькое...

Пастбище при свиноферме, действительно, замечательное.

О МЕТОДАХ РАБОТЫ ЛЮСКОВОЙ И ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯХ

Специалисты животноводства немало написали о методах работы знатной свинарки. И сама Александра Евгеньевна много раз рассказывала о своем опыте. Я не беру на себя задачу открыть в ее методах работы что-то новое, неизвестное и еще никем не примеченное. Однако из песни слова не выкинешь, не умолчишь о том, о чем сказать надлежит хотя бы кратко.

Прежде всего, всё, что есть нового в методах работы свинарки Александры Люсковой, исходит из ее опыта, из ее смелых дерзаний, неуклонного желания работать не по старинке, «как бог на душу положит», а стремиться вперед, утверждать достижения и не успокаиваться на достигнутом. В этом отношении она — новатор своего производства, передовой человек нашего времени.

Казалось бы, чего особенного в технике выращивания поросят? Могут ли быть тут какие новшества, когда испокон веков поросята растут своим чередом. Но это и есть косность, рутина, с чем Люскова не хочет мириться. Она глубоко продумывает технику выращивания поросят, ломает старые нормы, проверяет на деле и устанавливает свои способы, а потом всячески, как только может, распространяет опыт для широкого применения. Она разработала целую систему кормления и откорма поросят и свиноматок, не раз приводила в изумление ученых

специалистов по свиноводству, и те вносили в свои учебные наставления изменения, продиктованные ее опытом.

Расчетливая смелость — одна из хороших черт передовиков сельского хозяйства. Этой чертой вполне наделена и Александра Люскова.

На помощь приходит ей творческая мысль, без чего не было бы той стройной, выработанной системы в ее методах, благодаря которым она добилась столь высокой плодовитости, высококачественного откорма и полного, стопроцентного сохранения поголовья на колхозной свиноферме.

Свиноматка только что опоросилась. Поросята подсаживаются для кормления к матери. Свиноматку приучают при кормлении каждый раз ложиться поочередно то на правый, то на левый бок. Этим достигается правильное, равномерное кормление поросят.

Каждому поросенку дается свой сосок у свиноматки. Для этого приходится химическим карандашом нумеровать¹ поросят и каждого при кормлении подсаживать к определенному соску. Поросята привыкают, не дерутся между собой, не кусают сосков, не нервнируют мать, быстро откармливаются, прибывают в весе.

Подкармливание поросят коровьим молоком, поджаренной овсяной крупой, «угощение» их красной глиной, толченым углем и минеральными кормами — всё это изучено, на практике проверено и рассчитано на быстрое и здоровое развитие молодняка, на исключение каких бы то ни было заболеваний и падежа. Обо всем этом и многом другом из опыта Александры Люсковой подробно рассказано в литературе.

Наблюдая за кормлением стада на свиноферме, я заинтересовался — каким чутьем Александра Евгеньевна угадывает аппетиты свиноматок и каждой готовит корм с учетом индивидуальных потребностей?

¹ В своей лекции, опубликованной в Вологодской газете «Красный Север» 1 марта 1952 года, А. Е. Люскова поясняет: «Когда примем всех поросят, сортируем их на сильных и слабых. Подбираем парами и метим. Первой паре ставим чернилами метки на лбу, второй паре — на шейке, третьей — на передних лопатках, четвертой — на середине туловища, пятой — на крестце, шестой — у хвостика. Всё это требуется делать для того, чтобы не только знать поросят, но и выравнивать их рост и дать возможность скорей окрепнуть слабым, которых подсаживаем под наиболее развитые соски свиноматки...».

— Вкусы бывают разные, даже у свиней, — ответила на это Люскова. — Вот так присматриваешься к ним иногда и видишь, что одни свиньи с аппетитом поедают запаренные корма, другим нравятся дрожжеванные, а третьим подавай с примесью солода. Приходится подлаживаться к их вкусам. Ну и само собой, учитываешь другие особенности и возраст этих разборчивых животных.

— А как вы достигаете высокой плодовитости свиноматок, в чем тут секрет?

— Об этом спрашивают меня очень часто, — ответила Александра Евгеньевна, — а секрета никакого нет. Прежде всего, на племя для нашей свинофермы мы подбираем и оставляем самых лучших поросят от наиболее плодовитой породы маток. Затем, как нам подсказывает опыт работы, к случке доводим до хорошей упитанности, но не до ожирения, и свиноматку и хряка. Как правило, у нас на свиноферме применяется двукратное покрытие. Между покрытиями соблюдается перерыв в десять-двенадцать часов. Такой способ вполне оправдал себя повышением плодовитости свиноматок. Могу лишь добавить, что высокая плодовитость свиней зависит от правильного кормления и внимательного ухода за супоросными свиноматками. И кормление — дело не шутейное, оно зависит от умелой организации всей нашей кормовой базы при свиноферме. Вот почему я забочусь о приферменском участке, где с помощью мичуринской науки мы заставляем мать-природу работать на нас. Семипольный севооборот на участке дает нам необходимые и доброкачественные корма...

Передовые методы Александры Люсковой в свиноводстве — не только результат практики. Да, практик она замечательный. Но кроме того, она находится в тесной взаимной дружбе с передовой наукой. Черпает из науки всё новое, необходимое для пользы дела, и, в свою очередь, дополняет науку новейшими методами из своей практики. И прав академик Н. Г. Беленький, который в день пятидесятилетия Люсковой писал:

«...Прекрасные производственные успехи А. Е. Люсковой являются одновременно ценным вкладом и в нашу передовую зоотехническую науку. Они ломают установившиеся традиции в представлении о физиологических нормах организма животных, они позволяют резко повышать продуктивность скота.

Такие люди, как А. Е. Люскова, двигают вперед нашу науку, обогащают ее. Глубокое изучение, обобщение опыта новаторов и всемерное внедрение его в производство является святой обязанностью всех работников животноводства и, в первую очередь, ученых...»

Культурный рост знатной колхозницы-свинарки, ее опыт, любовь к труду, желание передавать свои знания другим, — всё это говорит об Александре Евгеньевне как о личности обаятельной, стоящей близко к народу, неразрывно связанной с ним во всех своих повседневных творческих деяниях.

По приглашению Вологодского молочного института Люскова выступала с лекциями-беседами среди студентов и профессоров; пригласила их в летние каникулы побывать в «Буденновце» и практически изучить ее достижения в свиноводстве.

В октябре 1949 года Люскова была приглашена в Тимирязевскую академию. Крестьянка-свинарка на кафедре академии! Факт сам по себе незаурядный. Свыше тысячи студентов, профессоров, преподавателей и научных сотрудников слушали рассказ Александры Евгеньевны, повествующий о ее делах, удививших научный мир. Слушали и, — как свидетельствует об этом профессор К. Иванович, — пришли к выводу, что Люскова работала по-мичурински, познавая закономерности развития организма животных и используя при этом влияние окружающей природной среды на развитие их.

Великий советский ученый И. В. Мичурин сказал:

«...При вмешательстве человека является возможным вынудить каждую форму животного или растения более быстро изменяться и при том в сторону, желательную человеку».

Вопреки существовавшим прежде лженаучным утверждениям, что в условиях сурового Севера невозможно выращивание свиней, Александра Люскова создала особую породную группу плодовых свиней и вызвала в животноводстве широкое движение передовых свиноводов, последовавших ее методам.

Александра Евгеньевна не успокаивается на достигнутом, постоянно стремится достичь большего. Она понимает, что суть дела не только в рекордах; главное в том, чтобы ее методы в свиноводстве стали массовым достоянием колхозов и совхозов. Каждое письмо в ее

адрес, каждая заметка в областной газете о том, что применение ее методов в свиноводстве приносит большую пользу колхозникам и государству, радуют Александру Евгеньевну.

И как не радоваться, когда она не одна идет по изученному пути к изобилию, а за ней идут и уже чуть ли не становятся с ней в один ряд ее последователи.

Вот свиноводка Лидия Игнатьева из колхоза имени Ворошилова, из соседнего с Междуречьем Лежского района, сообщает:

— Встретились мы с Люсковой на областном совещании животноводов. Послушала я ее, и она столько мне дельного подсказала, чего я никогда не знала, не ведала. Приехала домой и стала за свиноматками ухаживать по ее совету. Раньше, бывало, свиноматка полдюжины принесет, а теперь в один год мы добились по двадцать четыре поросенка от свиноматки. Спасибо Люсковой — она научила!..

Свиноводка Клавдия Некрасова из колхоза «Сталинский призыв» Тотемского района работала рядовой колхозницей на поле. Но вот на глаза ей попала брошюрка А. Е. Люсковой «Как я получаю за год 4910 килограммов продукции от одной свиноматки». Прочитала и задумалась: «А не стать ли и мне свиноводкой? Работы я не боюсь, а если с умом за дело взяться, как учит Люскова, жалеть не придется». И Некрасова стала свиноводкой. Книжку Люсковой она перечитала много раз. Училась не только новым способам ухода за свиноматками и поросятами, училась у Люсковой ее трудолюбию, без чего нельзя стать хорошей свиноводкой. В первый же год работы у Некрасовой в свиноводнике стало тесно от поросят: по двадцать четыре от каждой свиноматки, без единого падежа! И это только начало!..

Свиноводка Анна Шамаева из колхоза «Верный путь» Вологодского района, следуя примеру Люсковой, вырастила свыше трех тысяч поросят. Эта свиноводка принесла колхозу около 700 000 рублей дохода!..

Председатель колхоза «Красный путь» Борисово-Судского района Вологодской области Василий Сергеевич Басников приехал к Люсковой на свиноводку, обстоятельно присмотрелся к тому, как построена в «Буденновце» ферма, как работает Александра Евгеньевна, наслушался ее советов и, вернувшись в свой колхоз,

организовал людей на строительство свинофермы. Да не с пустыми руками вернулся Басников, а привез из «Буденновца» на развод двух породистых свиноматок и испытанного хряка Драчуна. Выросло и качественно улучшилось стадо свиней в колхозе «Красный путь», и доходность от свинофермы на третий год работы перевалила за 100 000 рублей. Когда до Александры Евгеньевны доходят слухи о таких способных организаторах свиноводства, она, не скрывая искренней радости, говорит:

— Вот таким рачительным да дельным товарищам и помогать хочется. Не зря Драчуна не пожалела. А то бывают такие «последователи», — иронически замечает Люскова: — приедет другой за породистой свинюшкой, спрячет ее под подстилку, в пестерь, оставит на улице, а сам зайдет в избу, и не с расспросами — что и как надо делать, а ждет — не поставлю ли ему для красноречивого разговора поллитровочку. Всякие бывают!..

О Люсковой знают многие. Колхозники из артели «Горн» Новосибирской области пишут ей, что многие свиноводческие бригады у них, в Ояшинском районе, взяли обязательство работать по ее методам.

Не без основания министр сельского хозяйства СССР тов. Бенедиктов, поздравляя знатную свинарку в день ее пятидесятилетия, отмечал:

«Ваши достижения являются большим вкладом не только в развитие общественного производства вашего колхоза, но и в развитие социалистического сельского хозяйства всей страны...»

Это высокая и справедливая оценка.

А вот что пишут из Болгарии люди, узнавшие о Люсковой.

«Мы прочитали рассказ о далеком от нас колхозе «Буденновец». Достижения, которые Вы имеете в свиноводстве, вселяют в нас вдохновенную веру в свои силы... И у нас организуются животноводческие фермы, в том числе свиноводческие. Вот уже месяц прошел, как мы у себя создали свиноферму. Ферма молодая, да и мы еще молодые. Но нам хочется выращивать свиней с таким же мастерством, как это делаете Вы. Поэтому просим Вас поделиться с нами своим богатым опытом. Опишите всё подробно, по-русски, мы изучаем ваш язык в кружках. Примите наши глубокие поздравления и по-

желания новых успехов. Зинка Ил. Христова, Иллия Хр. Ангелов. Болгария. Околия Плевенская, село Комарово».

Подобные письма не редкость.

И всё же, невзирая на заслуженную похвалу, Александра Евгеньевна, бывая в колхозах Междуречья, встречаясь у себя на свиноферме и на совещаниях в Вологде с колхозниками и колхозницами других районов, с беспокойством стала узнавать и примечать, что у себя на родине, в Вологодской области, последователей у нее еще недостаточно. И вот, в областной газете «Красный Север» появляется ее статья на тему: «Почему мой метод мало применяется в Вологодской области?». Знатная свиноводка вскрыла бюрократизм, мешающий освоению ее методов. Она привела ряд фактов, говорящих не в пользу отдельных специалистов из областного управления сельского хозяйства.

А когда в газете появился за подписью старшего областного зоотехника ответ на ее статью с признанием всех ошибок и обещанием их устранить, Александра Евгеньевна, бережно свернув газету, сказала:

— Пригодится газета; если из этих посулов мало будет проку, я не уймуся, напомню — и своего добыю. Не всегда можно верить голословным обещаниям. Пусть делом докажут...

СНОВА В „БУДЕННОВЦЕ“

...В осеннюю слякоть и бездорожье я приехал еще раз в колхоз «Буденновец». На свиноферме произошли изменения. Под окнами у дома Люсковой разросся и уже успел осыпать листья плодовый сад. Покрасневшая листва клубники, расползаясь по грядкам, держалась крепко на тонких стебельках. Со стороны Шейбухты, от недавно построенной электростанции тянулись к свиноферме и к деревьям свежеструганные столбы с номерами. Парни в спецовках тянули от столба к столбу сверкающую на солнце медную проволоку.

На пастбище, под надзором дежурившей свиноводки, разгуливали свиноматки. После продолжительных дождей установилась хорошая погода. Комбайнеры убирали пшеницу. Бурлила, словно замаскированная ивняком, Шейбухта. Обычное для «Буденновца» осеннее утро.

Спозаранку Александра Евгеньевна за работой. В нынешнее незадачливое дождливое вологодское лето она работала без выходных дней и без отпуска. И в голосе, и в первых же словах при встрече почувствовалось, что Александра Евгеньевна за лето много поработала и, естественно, нуждается в отдыхе, хотя она и пытается убедить себя, что отдыхать некогда, особенно после того как «Буденновец» укрупнился.

Однажды, возвратясь со свинофермы, Александра Евгеньевна пожаловалась, чего за ней раньше не замечалось:

— Лето нынче было никудышное. Дожди сплошь. Полощут без всякой меры. Гляньте-ка, у деревни Потькино до сих пор пшеница не убрана, склонилась, стоит такая невеселая. А суслоны нахохлились, будто вороны мокрые... Посмотришь — сердце захватывает. А если бы не дожди, наша пшеница не уступила бы украинской. Сейчас вроде бы установилась погода. Но осенью дни узенькие, со щелочку. Не успеешь обернуться — уже темно. Скорей бы электричество проводили, веселей будет работать...

Во время разговора кто-то рысцой на оседланной лошади подъехал к свиноферме.

— Александра Евгеньевна, быть может я отвлекаю вас разговором от дела? Вон кто-то к вам приехал.

— Это наш новый предколхоза, Новожилов Сергей Иванович, — ответила Люскова и продолжала начатый разговор: — Да, кажется и в жизни человека, как и в природе, бывают свои вёсны и осени... Едва мне перевалило за пятьдесят, а почувствовала в себе перемену. А работать хочется в десять раз больше и лучше! Работать и учиться, — добавила она.

Разговорились о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Александра Евгеньевна заметно оживилась, тонкие морщины у нее на лбу разгладились.

— У меня секретов нет, — сказала она, черкая ногтем большого пальца по столешнице и глядя в окно на пастбище, где с хлыстом в руке бегала за поросятами одна из свинок. — Секретов нет, а план в голове такой. На этот раз к выставке меня обнадеживает свиноматка Июнька, номер 856. В июне месяце этого года, как вы знаете, я ее заставила родить девятнадцать штук. Не смейтесь, вот именно заставила. Потому, как по всей на-

уже и по своему опыту в свиноводстве подготовила Июньку и хряка к случке. Да, а девятнадцать всё же многовато. Девятнадцатому поросеночку было тесно в утробе Июньки, и родился он кривоногий. Ну да у моих свиноматок ни с какого опоросу еще не бывало отбросу. И ножки поросеночку я выпрямила... живет-поживает не хуже других. К декабрю эта же Июнька опоросится и даст штук шестнадцать, да опять к июню будущего года хотя бы штук пятнадцать. Вот за год-то и полста. А дальше прикиньте в уме сами: в первом опоросе в числе девятнадцати поросят — одиннадцать свиночек. Через полгода я их выкормлю и выращу — будут выглядеть словно годовалые. А к своему годовому возрасту они дадут Июньке внучат штук сотню, не меньше. И всё это должно произойти до выставки, в течение одного года!..

Александра Евгеньевна умолкла, посмотрела на меня пытливыми глазами и в ожидании ответа задумалась. Я не знал, что ей сказать. Арифметика казалась несложной. Но за этими цифрами моему воображению представилась такая картина:

...Площадка на выставке — широкая, посыпанная желтым песочком и обрамленная живыми цветами. На помосте под аншлагами духовой оркестр — пятьдесят трубачей. Рядом на трибуне профессора, академики рукоплещут достижениям вологжанки Люсковой... Под звуки оркестра, медленно ступая и самодовольно похрюкивая, идет свиноматка Июнька. А за ней девятнадцать сынов и дочерей годового возраста. Примерно столько же полугодовиков от второго опороса. А за всем этим взрослым стадом огромной гурьбой, сбивчиво и суетливо, опережая друг друга, с пронзительным визгом следует ватага малышей... Сколько их? Об этом, под бурные аплодисменты публики, стоящей за барьером, оповещает радио. Новый, неслыханный мировой рекорд в свиноводстве!.. Так думалось мне в предвидении блестящих результатов, запланированных опытной свиноводкой...

Я не знаю, о чем задумалась в тот момент Александра Евгеньевна. Вероятно, о том, что, прежде чем достичь таких результатов, ей придется немало приложить труда и умения.

После некоторого молчания она заговорила, не называя предполагаемых цифр:

— Да, я думаю к этой выставке дать и приплод и привес такой, что... пока не скажу точно, но хоть и трудненько придется, а обгоню самое себя, превышу рекорды прошлых лет. — Усмехнувшись, поднялась с места и, выходя из-за стола, с присущей ей решительностью повторила:

— Обгоню!.. Превышу!..

Посмотрев на часы, она извинилась, что не может дальше беседовать — нужно идти на пастбище и заменить там свою помощницу.

Член правительства, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда Люскова отправилась пасти свиней. Для советского человека всякий труд может стать творческим, вдохновенным, дающим чудесные результаты.

Уходя на пастбище, Александра Евгеньевна пригласила меня зайти на свиноферму и познакомиться там с новым председателем колхоза.

В проходе свинофермы показался председатель колхоза Новожилов, крепкий мужчина средних лет. За ним шел муж Александры Евгеньевны и говорил о том, какой формы должны быть железные бачки для кормления поросят, сколько килограммов листового железа потребуется для бачков и где это железо можно взять.

— Я перебую ваш разговор, мне некогда, — сказала Люскова, — тороплюсь на пастбище, надо Аносову заменить. Вот что, новый председатель: в плане колхозной стройки надо нам предусмотреть и построить при свиноферме домик-общезитие для свинарок, чтобы они не бегали на ночлег за два километра, а жили постоянно здесь. И еще надо построить небольшой скотный двор на десять коров, чтобы молоко для поросят не возить откуда-то, пусть будет парное и свежее всегда под руками. Да еще изолятор нужен при свиноферме.

Новожилов достал из кармана пальто записную книжку, хотел записать, но, не найдя карандаша, сказал:

— Ладно, запомню, поставим вопрос на правленьи. Еще вам какая нужна помощь? .

— Да еще, чтобы не было нам помехи.

— То есть, как это понять?

— А понимай просто: с той поры, как к нам в «Буденновец» влился соседний колхоз «Сталинский ударник», только и разговору слышно, как бы ихних десять

свиноматок и приплод в нашу свиноферму поселить. А у нас и без того в свинарнике вся «жилплощадь» занята. Пойми, Сергей Иванович, некуда их поставить. Конечно, можно тесноту создать, но во вред делу. Пусть уж те десять маток в той бригаде и находятся. А в чем моя помощь им понадобится, я и туда добегу или по телефону подскажу. Ну, я побежала на пастбище; поговорите вот с этим товарищем, — показала Люскова на меня.

Мы остались втроем: председатель колхоза Новожилов, Александр Алексеевич — муж Люсковой, и я. Поговорив с председателем о качестве и наличии кормов, об исправности мельницы-ветрянки и еще о каких-то делах, колхозник Люсков начал с Новожиловым откровенный разговор:

— Хорошо, кабы ты, Сергей Иванович, задержался на этой должности. А то у нас с председателями происходит какая-то чехарда. Сколько в «Буденновце» сменилось председателей на моей памяти — не перечесть! Был председателем Баланин — раз, Губанин — два, Макаров — три, Рокутин — четыре, Дыдин — пять, Копенин — шесть, за Копениным — Плакунов, это уже семь, Натрясин — восемь, Камалягин — девять, Фатаев — десять; кажется, не всех я перебрал. Ты — одиннадцатый... Упрочись-ка, Сергей Иванович, поосновательней, да будь колхозу как отец родной — заботливый да рачительный. Теперь в укрупненном колхозе развернуться есть где, если по-настоящему заглянуть в будущее.

Они закурили, как два добрых приятеля. Большое количество сменившихся предшественников мало утешало Новожилова. Офицер запаса, в недавнем прошлом командир танковой роты, воевавший на Первом Украинском фронте, он после демобилизации вернулся в родное Междуречье. Захотелось испробовать свои силы на живой и разнообразной работе. Райком партии направил его в «Буденновец».

Из разговоров Новожилова с Люсковым я узнал, что собою представляет их колхоз. Прежде всего, невзирая на прославленную свиноферму, колхоз считается зерновым, семеноводческим, объединяет 139 дворов. Населения 467 человек, из них трудоспособных — 211. Земли — 4285 гектаров, в том числе пашни — 1165, покосов —

1047, пастбищ — 1030, лесной площади — 954 и около сотни гектаров занято под постройки.

Скота в колхозе: лошадей — 100, коров — 462, свиней без молодняка — 123, из них племенных свиноматок — 115, овец — 308, кур — 467, ульев — 20.

На территории «Буденновца» находится МТС, обслуживающая тракторами, комбайнами, кусторезами и прочими машинами половину Междуреченского района и, разумеется, не в последнюю очередь — здешний колхоз.

— Слабое место в нашем колхозе, — говорит Новожилов, — это недостаток людей, рабочей силы; нехватает специалистов, и в первую очередь плотников-строителей. Четыре плотника на весь колхоз! Разве это сила?..

— Да, этого мало, — соглашается с ним Люсков и рассудительно добавляет: — за последние годы не обращали внимания на подготовку людей этой специальности. Живем кругом в лесах, а топориком владеем плохо.

— Будут и плотники, будут и столяры, всё будет, — уверенно говорит Новожилов, всерьез думая о будущем своего укрупненного «Буденновца».

— Скажите, Сергей Иванович, каким вы представляете «Буденновец» года через три? — спрашиваю я Новожилова.

— Думаю я над этим, — отвечает Новожилов, — но не торопите меня, отвечу вам завтра. А сейчас мне надо скорей на коневодческую ферму...

С пастбища Александра Евгеньевна возвратилась поздно.

В избе пахло жирными бараньими щами и свежим ржаным хлебом, испеченным из муки нынешнего помола. В одной комнате дети Люсковых сосредоточенно готовили уроки; в другой Александра Евгеньевна разговаривала по телефону со свинарками из новой бригады, влившейся в «Буденновец». Под потолком, рядом с медным патроном, висящим на электропроводе, догорала последние вечера керосиновая лампа. За окнами спускалась густая осенняя темнота. По тонкой ниточке провода через два озимых поля, через поросшую кустарником пустошь и через извилистую Шейбухту донесся в соседнюю бригаду слегка надтреснутый голос Александры Евгеньевны:

— Кто это? Савина? Здравствуй, Александра Ивановна! Это я, Люскова. Как там у вас дела?.. Что, тяжело? А мы легких путей и не выбираем. На самих

себя работаем. На день укрупнения колхоза, два месяца тому назад, у вас было 26 поросятков, а теперь стало 96, это, голубушка, не тягость, а радость... Рост стада не задерживать, а развивать надо. Вот так!.. Почему сегодня ваших свиноматок на пастбище не было видно?.. Что, холодно? Не говори пустяков. А почему с нашей фермы свиноматкам не было холодно? Нет, Александра Ивановна, не давай ты благодушничать ни себе, ни своим помощникам. Успевайте до снега и заморозков пользоваться выгоном. Во-первых, подножный корм всегда хорош, во-вторых, за счет пастбища у вас будет экономия кормов к зиме... Дорожите кормом, берегите его.

Повесив трубку на рычажок, Александра Евгеньевна сказала, будто подумала вслух:

— Всё хочет как бы полегче да на привозных кормах выехать... А чуть что — на собраниях слово к слову, мы такие-то и такие-то, у нас достижения. А разве такие могли бы быть достижения, если бы заботы о деле было побольше!? Могли бы работать гораздо лучше, да не все хорошо стараются. Некоторые забывают о том, что в наше время счастье трудом добывается, в нашей стране — человек делом славится...

Свои возможности в области свиноводства Александра Евгеньевна не считает исчерпанными. Она еще не раз порадует и удивит представителей науки и вызовет чувство законной гордости у своих земляков новыми открытиями в своем излюбленном, прославившем ее творческом труде.

— Приезжайте к нам годика через три-четыре, — говорит мне Люскова. — При хорошем руководстве да при сознательной дисциплине всех, от мала до велика, у нас в «Буденновце» произойдет преобразование жизни, и даже местности. Само по себе это не случится, а при умном и заботливом руководстве и дисциплине, — повторила она, — дело пойдет на лад. Случится быть вам в Москве, на Сельскохозяйственной выставке, разыщите меня. Думаю, что и для наших трудов там местечко найдется.

БЕСЕДА С ЭКСКУРСАНТАМИ

Еще в 1940 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке экспертная комиссия признала за А. Е. Люсковой мировой рекорд — откорм от одной свиноматки Ялты

за год четырех тонн семисот пятидесяти четырех килограммов поросят. С тех пор прошло много времени. Накопился богатый опыт в работе знатной свиноводки. Путем самоподготовки Александра Евгеньевна приобрела глубокие знания по животноводству. Многому научились у нее и две помощницы — Аносова и Короткова. Новый, шестнадцатый, рекорд, установленный Люсковой, привел в изумление ученых животноводов.

Некоторые иностранные ученые-зоологи когда-то, в силу своей «учености», оторванной от практики, утверждали, что существуют таинственные законы биологии, по которым одна четверть новорожденных поросят должна неизбежно гибнуть, а поэтому американские и английские фермеры, не дожидаясь «гнева природы», убивают поросят в раннем периоде развития. Люскова сумела вырастить несколько тысяч поросят без единой потери. Для нее, как для новатора, оказались не обязательными устаревшие «законы».

Однажды почтальон доставил ей из Междуречья, вместе с газетами и журналами, письмо с почтовым штемпелем «Швеция—Стокгольм». В Шейбухте и Междуречье не нашлось своих колхозных переводчиков, чтобы без промедления узнать, о чем пишет из Стокгольма господин Джон Эриксон — владелец свиноводческого хозяйства и в какой-то мере специалист своего дела. Письмо пришлось отсылать в Вологду. Александре Евгеньевне прислали переведенный текст. Джон Эриксон писал о том, что он вычитал в шведских журналах о Люсковой и хотел бы знать подробнее о ее замечательных делах, чтобы новые практические опыты свиноводства, применяемые в России, мог бы применить у себя на ферме, так как он, хотя и крупный специалист, но еще не может похвалиться такими, как у Люсковой, результатами. В свою очередь, Джон Эриксон, не желая оставаться в долгу перед советской свиноводкой, обещал в следующем письме совершенно бесплатно рассказать Люсковой о своих достижениях.

— «Бесплатно!» — не скрывая удивления, воскликнула Александра Евгеньевна, — какая «добродота»! Видимо, у них в Швеции считается делом зазорным давать бесплатные советы трудящимся, если он, фермер, так пишет. Ни к чему мне его консультации — ни платные, ни бесплатные. А в письме ему всего не объяснишь, пусть

почитает сочинения Мичурина и поразмыслит — что к чему. Но если он думает только о наживе, то мало чему научится. — Люскова долго вертела в руках письмо шведа, молча улыбалась, мысленно представляя себе этого неизвестного ей богача таким же изворотливым ловкачом, какими были в прежние годы около Шейбухты крупный кулак-заводчик Пальников или член земской управы владелец турбинной мельницы Ломунов.

Как-то в разговоре о былой незавидной батрацкой жизни, протекавшей в молодые годы, Александра Евгеньевна рассказала о своих радостях, основанных на ее творческом труде.

— Конечно, приятно получать награды, радостно чувствовать себя счастливой. Но самые радостные, самые счастливые дни бывают тогда, когда, подводя итоги делам нашим, вижу воочию, что не зря я и мои помощницы потрудились на нашей благоустроенной свиноферме. Когда в годы Отечественной войны мы сдали две тысячи четыреста пудов свинины Красной Армии, да еще сотни племенных поросят продали колхозам и совхозам, как тут было не радоваться, как тут было не считать себя счастливой?! Но успехи нам не вскружили голову.

И вот — шестнадцатый рекорд... Пятнадцатипудовая, крепко сложенная и ранее уже отличавшаяся своей плодовитостью Июнька № 856 9 июня 1950 года дала приплод — девятнадцать поросят. Прошел год, — вернее, до года еще недоставало двадцати дней, — а эта же свиноматка за два следующих опороса прибавила к стаду на свиноферме еще двадцать семь поросят. Александра Евгеньевна в том же году взяла под свой особый присмотр одиннадцать свинок от первого опороса Июньки, внимательно ухаживала за ними, рассчитывая к годовому их возрасту получить крупное стадо внучат Июньки № 856. Расчеты оправдались. В первых числах июня 1951 года одиннадцать Июнькиных дочерей впервые опоросились, сразу увеличив стадо свинофермы на сто двадцать пять голов. Произошло это довольно быстро, но не так легко и просто. А как? Об этом представим слово самой Александре Евгеньевне...

В теплый, после обильных дождей, июльский день, на зеленой густой траве, на отлогом спуске к Шейбухтеречке, резвились сытые, чистые после мытья, упитанные внучата славной Июньки. Набегавшись вдосталь,

поросята рассыпались по лужайке, легли отдыхать. Они были плотны, круглы и спокойно-недвижимы во время своего непродолжительного отдыха, пригретые солнцем на изумрудной траве. В эту пору на свиноферму к Люсковой прибыла группа экскурсантов, состоящая из колхозной молодежи. Все они — подростки, парни и девушки, с тетрадками в руках, в сопровождении знаменитой свиноводки осмотрев свиноферму, вышли полюбоваться на Июнькиных внучат и, чтобы не мешать отдыху поросят, остановились на некотором от них расстоянии.

— Вот тут их, не считая матерей, сто двадцать пять штук! — сказала Александра Евгеньевна, показывая на поросячье стадо. — Смотрите, какие они хорошенькие да красивенькие. Хотя люди и говорят, что свинья — не красавица, что не видать свинье неба, но это сущие пустяки. А на мой взгляд, все Июнькины внучата настоящие красавцы! Поглядите на них: все они мои любимцы! Само небо на них любит, а солнышко заставило их зажмурить глаза и вздремнуть после беготни, набраться силенок. А потому они такие хорошие да плотненькие, что когда были маленькими сосунками, то к маткам их подсаживали в первые дни кормления не по шесть-семь раз в сутки, как указывалось в прежних учебниках по свиноводству, а по двадцать четыре раза в сутки.

— Как много! Как часто! Сколько канители с ними. Это же каждый час! — воскликнул кто-то из присутствующих.

— Не пугайтесь, — предупредила Люскова слушателей, — такое ежечасное кормление новорожденных поросят продолжается всего лишь первые три-четыре дня их жизни. В утробе матери они привыкли кормиться непрерывно, а поэтому нельзя сразу их перевести на кормление с большими перерывами. Пусть окрепнут, тогда уже можно будет подсаживать пореже. Иногда опорос происходит медленно. В таких случаях нет надобности ждать, когда свиноматка родит последнего. Первороденных нужно через час подсаживать к передним соскам...

— Оказывается, чтобы заниматься свиноводством, надо много знать, многое уметь делать, — проговорил руководитель экскурсантов, — вникайте, ребята, запомните, записывайте!

Проголодались...

— Прежде всего надо любить это почетное дело. Не принуждать себя, а всей душой понимать и чувствовать серьезность, ответственность и выгодность свиноводства для колхоза, — сказала Александра Евгеньевна, обдумывая продолжение своего разговора с этими молодыми людьми, еще не испытанными как следует трудовой колхозной жизни. Немного подумав, она вспомнила слова, когда-то сказанные Михаилом Ивановичем Калининым, и, не особенно надеясь на свою память, но ручаясь за точный смысл этих слов, продолжала: — Вот когда-то товарищ Калинин сказал: что, казалось бы, может быть проще, грубее, чем ухаживать за свиньей. Ведь это простой физический труд, где не требуется большого ума... Однако Михаил Иванович понимал это дело широко и говорил, что нужно обладать и умом и большой идейностью, нужно быть патриотом социалистического строительства, чтобы стать хорошей свинаркой...

В это время кто-то из ребят, увидев вышедшего из-за кустов огромного хряка, чуть ли не испуганно крикнул:

— Ребята! Кабанище-то какой!

— Сват, Сват, иди, покажись колхозным ребятам, — усмехаясь, сказала Люскова. — Я его Сватом окрестила. Есть еще Дельфин — такой же богатырь породистый. Сват дедом приходится всему этому отдыхающему перед вами стаду.

— И, наверно, папашей? — спросила молодая колхозница, чуть краснея и стесняясь заданного вопроса.

— Нет, голубушка, у нас на ферме так не практикуется. Да никому и другим не советую, чтобы не было вырождения племенной породы из-за близкого родства случаемых пар. Это вопрос не шутейный. Что касается производительности Свата, то с него достаточно за полтора года семьсот голов. Дельфин тоже не отстает от него. Так вот, ребятушки, была и я когда-то молоденькая, любила послушать от старых людей сказки, и они начинались так: «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель — не видать отсель, в чужой дальней стороне, на гладком месте, как на бороне...» — и так дальше. У нас же не сказка, а быль, и не то вас должно интересовать, как я, бедная батрачка, в люди вышла, стала членом правительства. Вы не за этим сюда пришли и приехали, а учиться делу полезному. С этого и начнем. Заранее надо вас предупредить

о том, что в повседневной практике я не сторонница трех опоросов свиноматки в течение одного года, хотя мы и поработали немало над установлением шестнадцатого рекорда. Достаточно иметь в году два хорошо подготовленных опороса. Рекорды — рекордами, а нам нужна планомерная работа по выращиванию племенного, высококачественного поголовья. При трех опоросах хочешь не хочешь, а поросят приходится рано отнимать от свиноматки, дней так через пятнадцать, а при двух опоросах свиноматка может кормить своим молоком поросят до двухмесячного возраста. И от этого поросята становятся упитаннее, крепче. — Александра Евгеньевна передохнула, обвела глазами сидевших вокруг нее посетителей, и продолжала: — Не знаю, дорогие мои гости, с чего и начать...

— А вы нам расскажите самое главное, — подсказал один из ребят, приспособивший у себя на коленях тетрадь для записи.

— Вот сколько лет я работаю, а до сих пор не знаю, что главное и что второстепенное. В нашем деле мне всё кажется главным — одно из другого вытекающим. Иногда какая-нибудь не учтенная мелочь может испортить хорошее начинание. Будьте заботливы и предусмотрительны. Извините меня за поучение... Высокая плодовитость свиноматок и быстрый откорм поросят на нашей свиноферме зависят от очень и очень многих условий и правил, иногда самых простейших, но обязательно нами соблюдаемых. Прежде всего, помещение для свиней должно быть чистым, сухим, теплым, просторным и светлым, с вентиляцией, но без сквозняков. Поголовье свиноматок очень желательно иметь племенное — из государственного племенного рассадника. Забота о кормах — разве это не главное? Поддержка со стороны правления колхоза — одно, а если сами свиноводы проявят беспокойство об обеспечении кормами — разве это плохо? У нас при свиноферме создана постоянная кормовая база в виде кормового севооборота на специально выделенном участке, вот здесь, вблизи фермы...

— Сколько же требуется земли для такой базы и кто ее обрабатывает? — спросил руководитель экскурсии.

— В наших условиях, — ответила Александра Евгеньевна, — достаточно двух гектаров удобной земли на

одну свиноматку с ее приплодом от двух опоросов. Арифметика, как видите, простая...

Рассказав подробно о схеме семипольного севооборота и о том, как приходит на помощь агротехника и механизация при обработке земельного участка, Люскова сказала:

— Много, очень много требуется кормов. С помощью зоотехника, мы подсчитали: за год и двадцать дней на всё стосемидесятиголовое семейство Июньки № 856 мы израсходовали клеверного сена около девяти тонн, травы зеленой — около четырех тонн, овса и ячменя — тринадцать тонн с половиной, отрубей — полторы тонны, соевых жмыхов — около тонны, молока и обрата — две тысячи литров, соли — восемь пудов, не говоря уже о том, что молоднячок приходится баловать для укрепления организма и правильного пищеварения глиной, древесным углем и костяной мукой — это в счет у меня не идет. Так вот, вы, молодые люди, в цифровых расчетах ловкие да смысленные, сумеете потом про себя решить такую задачу: в перечисленных мною кормах содержалось двадцать две тысячи триста восемьдесят шесть кормовых единиц. Разделите их на пять тысяч триста тридцать килограммов живого веса приплода от нашей барыни Июньки. Сколько получится израсходованных кормовых единиц на килограмм свинины? По существующим нормам полагается от пяти до шести единиц. Впрочем, пожалуй, вам не подсчитать точно, так как я цифры закругляла, а потому, чтобы не затруднять вас, скажу: на каждый килограмм свинины мною затрачено по четыре целых и три десятых кормовых единицы. Зоотехник находит, что корм расходовали мы правильно и экономно...

Рассказав о расчетливом кормлении свиней и поросят, о рационах и их составлении, Александра Евгеньевна подробно ознакомила экскурсантов с методами подготовки свиноматок к опоросу. Она рассказала о том, что у нее на свиноферме, как правило, случка свиноматок допускается только при средней упитанности и проводится в первых числах января. Первый опорос от январской случки выгоден тем, что после двухмесячного подсосного кормления поросята выходят на свежий воздух, на зеленый луг. Второй опорос свиноматок удобно и не затруднительно проводить в августе и сентябре; по

крайней мере, до наступления холодов поросята окрепнут...

Всё это и многое другое из опыта знатной свиарки хотелось знать колхозной молодежи, не зря же они приехали в Шейбухту из отдаленных вологодских деревень. Один за другим возникали у слушателей вопросы:

— Александра Евгеньевна, мы заметили у Июньки № 856 четырнадцать сосков, а поросят родилось сразу девятнадцать — как же вы их распределили?

— В таких случаях приходится поступать так, — пояснила Люскова: — шесть поросят, более сильных, окрепших, пришлось от Июньки отнять пораньше и перевести на искусственное кормление. Иногда в подобных случаях мы практиковали подсадку поросят под других свиноматок, но это надо делать не позднее двух суток после опороса, иначе из свободных сосков молоко не будет выделяться... Но к такому способу мы прибегали редко. У нас свиноматки племенные, молочные. Поочередно подсаживаем, и все малыши сыты бывают. А если по мере роста подсосного кормления становится маловато, тогда коровье молоко вырывает, подпаиваем.

Кто-то из экскурсантов поинтересовался — часто ли приходится Александре Евгеньевне прибегать к ножу; не случается ли в раннем периоде прирезать хилых, почти безжизненных поросятков? Другой товарищ насмешливо одернул вопрошавшего:

— Уж тебе не поросенок ли с хренком захотелось? Не туда, кажись, попал!..

Всем вопрос показался смешным, всем — кроме Люсковой. Она выслушала и сказала:

— Ничего тут смешного, товарищи, нет. Не все же поросята рождаются одинаково крепкими. Другой, действительно, родится слабенький; казалось бы, легче такого под нож пустить, чем канителиться с ним. Но у нас такой порядок: лучше полумертвого оживить, нежели чуть живого прирезать! Бывает, родится поросенок не то жив, не то мертв, а мы его сразу выкупаем в теплой воде — градусов на тридцать восемь, поприведем — и, глядишь, ожил. А как ожил, сразу к соску матери... Но это не значит, что из него получится племенной экземпляр. Ведь у нас на ферме не всё поголовье племенное. Племенное всё то, что лучшее, отобранное не просто на глазок, а с помощью специалистов, подкованных

наукой. Часть выбракованных свиней и поросят мы ставим на откорм. Иначе говоря, на убой. Это дело проще, нежели выращивание плодовых племенных свиноматок. Но тоже забота нужна, забота о рационе кормления. У нас нередко семимесячные подростки-откормыши дают ежесуточный привес более килограмма на голову. Этот довольно быстрый прирост достигается умелым подбором кормов, состоящих из отрубей, картофеля и корнеплодов, овса и ячменя, силоса и молодого клевера. А в летнюю пору полезна и зеленая кормежка на прогулке. Но имейте в виду: будете у себя в колхозах откармливать поросят, не гонитесь сразу за высоким привесом. Не допускайте раннего ожирения поросят. Сначала, до полугодового возраста, следите за тем, чтобы откормыши окрепли, отличались прекрасным аппетитом. Окрепшие, подросшие откармливаются гораздо быстрее...

Беседа подходила к концу, время приближалось к обеду-полднику. О многом еще могла бы поведать Люскова своим слушателям, да не каждое слово в строку пишется, и знает она, что не каждый совет ее может быть одинаково с пользой везде применен. Слишком было бы просто работать по изготовленным раз и навсегда рецептам. Надо дерзать, надо искать и находить новое, более практичное и разумное. Наука не стоит на одном месте: подкрепляемая опытом, она быстрее движется вперед и в жизненной практике дает изумительные, неслыханные результаты...

Поблагодарив Александру Евгеньевну за беседу, молодежь шумной ватагой направилась к электростанции и дальше, через увертливую Шейбухту по сходням-перекладам, на взгорье, в бойкий поселок МТС.

— Такой у них возраст, хочется больше видеть, больше знать, — говорит Александра Евгеньевна, глядя вслед уходящей молодежи. — Хорошая пора — молодость! И если не будут избегать труда, не побоятся трудностей на своих путях-дорогах, хорошими людьми станут. Жизнь не терпит белоручек и лодырей, ох, не терпит!

БУДУЩЕЕ „БУДЕННОВЦА“

В правлении колхоза я встретился с Сергеем Ивановичем Новожиловым. Разговорились о недалеком будущем колхоза «Буденновец».

— Нам бы своих плотников больше, как можно больше. Тогда бы в зимнюю пору и в другое, свободное от главных работ, время года мы бы сумели кое-что сколотить. Лес не за горами, только знай — строй; беда наша — не научились строить. Мало того, разучились, отвыкли от плотничьего ремесла. Лесорубов сколько угодно, а плотников — нет...

И это не пустые слова.

Я объехал десятки деревень Междуречья, и ни в одной из них не заметил ни одного нового дома, построенного из свежерубленного леса, исключая, конечно, участки лесозаготовок, где новые постройки имеются в достатке. В деревнях люди живут в старых, но довольно еще крепких избах, которых пока всем хватает по той причине, что часть населения за последние годы из деревень переселилась в города, на заводы, новостройки и в свой разросшийся районный центр, а избы переселившихся теперь пригодились колхозным жителям. И вот пока не было нужды в капитальном строительстве, пока люди довольствовались строениями полувековой, а то и столетней давности, о плотниках, столярах, конопатчиках, печниках и кровельщиках в междуреченских колхозах стали забывать, и по-настоящему спохватились о них с большим опозданием.

Председателю «Буденновца» можно посочувствовать: такие у него добрые намерения и замечательные планы, но без строителей трудно начать большое, неотложное дело.

Предположим, если бы в колхозе «Буденновец» скоро появились кадры своих строителей, тогда как бы замечательно в недалеком будущем выглядело довольно крупное и веселое село Буденновец вместо тех бесчисленных, нескладно раскиданных мелких деревушек!..

Прежде всего, на первом плане — основная база «Буденновца» — четыре крупных, оборудованных по последнему слову науки, животноводческих пункта:

1. Конеферма (отсюда и название колхоза — «Буденновец») с племенным стадом породистых кобылиц.

2. Свиноферма может быть окружена вспомогательными постройками, поголовье племенных свиноматок со временем еще увеличится. При свиноферме должна существовать школа мастеров свиноводства.

3. Молочно-товарная ферма — несколько крупных благоустроенных скотных дворов, силосные башни, механизированный маслозавод.

4. Овцеферма — расширенная, с увеличенным поголовьем, на базе существующей.

Дальше, особо от животноводческих городков, на окраине села или неподалеку в стороне от него возникнут новые постройки: птичник, телятник, амбары для семенного зерна, сарай для сельскохозяйственных машин и инвентаря, гараж и другие помещения колхоза.

А колхозное село? Как оно должно в недалеком будущем выглядеть? Свыше сотни домов на возвышенной местности прямыми озелененными улицами сомкнутся с постройками МТС и льнозавода.

На окраине села — школа-семилетка; она нуждается в обновлении. В центре села — клуб с библиотекой-читальней для колхоза, МТС и льнозавода, там же должен быть кинозал на триста зрителей и комнаты для кружков самодеятельности и вечерних собраний.

Дом для колхозного правления и радиоузла; в нижнем этаже — магазин.

Детский сад, детские ясли, медицинский пункт, столовая общественного питания — всё это должно быть предусмотрено планом строительства колхозного села.

Через речку Шейбухту, на территории «Буденновца», необходимо построить два моста: один — против свинофермы на переезде, другой — на полтора километра ниже по течению. Если эти мосты перекинуть через плотины — а это значит поднять воду в Шейбухте на три-четыре метра, — то получатся разливы, скрывающие прибрежный кустарник; разливы эти могут служить бассейнами для подачи воды на однопоставную водяную мельницу и еще на какое-либо механизированное колхозное предприятие. Старики в «Буденновце» говорят, что прежде на Шейбухте стояли три водяных мельницы. Одна из них, довольно крупная, принадлежала кулаку Ломунову.

Колхозникам под силу обуздать Шейбухту и заставить ее работать. Обо всем этом мы беседовали с председателем колхоза Новожиловым. Хочется верить, что всё задуманное, спланированное претворится в жизнь.

Этот малыш требует особого внимания.

ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКОГО ПЛЕНУМА

Осенью, вскоре после сентябрьского Пленума ЦК КПСС, мне пришлось побывать в одном из самых отсталых и запущенных районов Вологодчины — в Устье-Кубинском. Хотелось слышать и знать, — о чем толкует, как воспринимает колхозная деревня новый закон о сельхозналоге и историческое решение партии о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в нашей стране. Постановление Пленума зачитывалось на колхозных собраниях, обсуждалось в частных беседах, разбиралось на партийных собраниях и специальном пленуме райисполкома. В предчувствии огромной, всенародной, государственной помощи колхозам слышался одобрительный гул голосов, выражающих надежду на исправление многих и многих недостатков в жизни колхозов.

Много можно было видеть запущенности и недостатков в устьекубинских деревнях, где еще до сих пор нет ни электричества, ни радио, а из-за бездорожья тракторы и комбайны не в состоянии выйти из МТС на уборку гниющего под непрерывным дождем урожая.

От многих колхозников в этом районе пришлось слышать такие разговоры:

— Закон о сельхозналоге и решение сентябрьского Пленума партии замечательны; мы можем радоваться, предвидя великие положительные изменения в деревне. Пусть только местные власти не вносят в решения вышестоящих органов своих исправлений, а то бывает, что и от маленьких «исправлений» недалеко до больших искривлений.

— Хорошо, кабы поменьше было служащих персон в районных и областных центрах, а то получается: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». У нас во всех отделах райисполкома — около сотни служащих. Все друг друга инструктируют, циркуляры строчат, а с мужиками разговаривать некому... Да и не умеют. Разучились. Если и заговорят, то будто бы поучающе читают передовую статью из газеты, а не живой, человеческий разговор ведут.

Высказывания колхозников конкретны и практичны. Там же, в Устье-Кубинском, на пленуме райисполкома слышались и такие голоса:

— Не пора ли послать к нам в колхозы специали-

стов сельского хозяйства? Пусть они научат нас не бояться техники: у нас в районе на складах сто двадцать автопоилок, а мы их не берем — не знаем, как устроить их и как ими пользоваться.

Другие резко осуждали ветеринаров и животноводов за чиновничий подход к делу:

— За последние девять месяцев в нашем районе по многим причинам пало много голов разного скота! Это — бич, это слишком много. А ветеринары и животноводы приходят к нам как гастролеры, пошумят, пошумят, актами спишут павшую скотину, никакой помощи не окажут и исчезнут....

— Поговорите там, в Ленинграде, чтобы для северных районов выпускали комбайны на гусеничном ходу.

— Эх, дороги бы нам, дороги! Ведь во всем Устье-Кубинском районе вымощено булыжником только полсотни метров, да и то лишь под окнами райкома. Весной, а особенно осенью, — ни проехать, ни пройти...

До сознания многих колхозников доходят упрямые и вопиющие факты о том, что за последнее время в деревнях стали справлять бесконечное множество пьяных праздников, раскопали в старых святцах «Ивана Постного», «Николу Мокрого», «Покров», «Всех скорбящих радость», вспомнили о райских привратниках — Петре и Павле, о лошадиных покровителях — Фроле и Лавре. Во все эти и подобные «праздники» пьянки с похмельем в устьекубинских деревнях уносят десятки тысяч трудодней. Причина? Нет настоящей, живой, культурно-просветительной, научной и политической пропаганды.

В те дни в Вологде проходил пленум областного комитета партии. На пленум были приглашены председатели крупных колхозов, директора МТС. Секретарь обкома выступил с развернутым и самокритичным докладом «Об итогах Пленума ЦК КПСС и задачах Вологодской партийной организации по дальнейшему развитию сельского хозяйства области». И в докладе, и в двухдневных прениях было высказано немало горьких истин о положении в сельском хозяйстве Вологодчины...

Александра Евгеньевна Люскова — член пленума обкома партии — сидела в зале и слушала выступление секретаря, перелистывала проект решения по докладу. Она за последнее время изменилась, выглядела задумчивой. На лбу появились складки. Следы неведомой грусти

отражались на ее простом обветренном лице. Голубые пронизательные глаза за круглыми стеклами очков не сияли былым, жизнерадостным блеском. И не старость и не болезнь, а именно забота чувствовалась в ее взгляде. Когда секретарь обкома от общих цифр и положений перешел в своем докладе к разительным фактам и примерам, Александра Евгеньевна положила проект резолюции на колени и напрягла внимание и слух. Ее интересовала жизнь колхозов в других районах области. Ведь не случайно в своем докладе на Пленуме ЦК КПСС товарищ Хрущев неоднократно упоминал вологжан, говорил, что поголовье коров значительно уменьшилось в Вологодской области, славившейся молочным скотоводством, и что в колхозах Вологодской области теряли от падежа каждого второго ягненка, и что с заготовками кормов неблагополучно... Вот его же, сегодняшнего докладчика — секретаря обкома Семина, товарищ Хрущев на пленуме ЦК КПСС справедливо упрекнул за штурмовщину в сеноуборке и за самоустранение от руководства заготовками кормов...

«Нет, далеко не всё благополучно у нас с животноводством, — думала в эти минуты знатная свинарка Люскова: — и заинтересованность подорвана, и трудовая дисциплина ослаблена. Сколько еще несознательного отношения к колхозному добру, сколько еще расхлябанности и нерадивости!..»

Между тем докладчик продолжал приводить и сопоставлять факты:

— Вот, товарищи, в колхозе «Красное знамя» под Вологдой ежегодная прибыль от каждой коровы — две тысячи триста шестьдесят три рубля, а в колхозе «Победа» Тарногского района годовая прибыль от коровы семьдесят четыре рубля. Или вот еще пример, — продолжал он, перелистывая тщательно перепечатанный на машинке и не раз проверенный во всех отделах доклад. — На свиноферме в Череповце каждая свиноматка дает годовой доход пять тысяч пятьсот восемьдесят рублей. Это хорошо. На свиноферме у Люсковой каждая свиноматка дает дохода не менее десяти тысяч рублей в год. Но перенимают ли замечательные методы свиноводства у Александры Евгеньевны люди, отбывающие время на свиноферме в Чарозерском районе, где получают от свиноматки два рубля в год!? Соответственно, и колхозни-

кам там причитается по шесть копеек на трудодень; а на свиноферме в колхозе «Буденновец» на трудодень выдают по двадцать девять рублей и сорок пять копеек, да причитается кое-что еще и натурой...

В перерыв я встретился с Люсковой в буфете Дома культуры. Александра Евгеньевна, чем-то, видимо, опечаленная, молчаливо стояла среди делегатов.

— Александра Евгеньевна! Что с вами? Вы так изменились. Здоровы ли? Или у вас переживания какие-то, но вы выглядите совсем иначе, совсем не так, как год-два тому назад у себя на Шейбухте. Смотрите, берегите здоровье. Вы очень, очень нужны народу. Слышали, что говорил секретарь обкома партии, какие он цифры приводил о доходности Чарозерской свинофермы?

— Тяжело и грустно становится от таких цифр, — промолвила Люскова, — и даже как-то стыдно за тех свинок, что заработали по шесть копеек на трудодень. Не понимаю, чем там занимаются?.. И вообще, много неполадок в колхозах нашей области. Люди не все старательны, — добавила она, — верно, много у нас в области земли, но как она, матушка, обрабатывается, что дает и что должна давать — вот в чем суть. Теперь-то дело пойдет лучше; такая помога от государства! Всё примет другой, настоящий вид. Всё станет на свое место...

В КОТЛАХ

Из огромной корреспонденции, поступающей в адрес знатной вологодской свиноводки Александры Евгеньевны Люсковой, на меня произвело впечатление и запомнилось письмо колхозницы Домны Сладкевич из колхоза «Золотая гора» Кингисеппского района, Ленинградской области. Теперь под таким наименованием колхоза не существует, а есть село Котлы и ряд окружающих его деревень, которые объединены в один крупный колхоз имени Георгия Димитрова.

До села Котлы ехать по замечательному шоссе, ведущему из Ленинграда через Ломоносов и дальше побережьем Финского залива, — одно сплошное удовольствие. В свежий, безветренный и морозный день машина мчалась по освещенной ярким солнечным светом лесной дороге. По сторонам, на сугорьях возвышался прекрасный

сосновый лес — такой же величественный, гладкоствольный, какой нередко в изобилии встречается и на родине Люсковой, в лесной Вологодчине. На пути до сих пор заметны следы Великой Отечественной войны: видны воронки от бомбежек, торчат из снега прутья ржавой колючей проволоки, виднеются осыпавшиеся и заросшие кое-где мелким кустарником окопы, блиндажи и землянки. Но ожили колхозные деревни, на вспольях стояли крупные скотные дворы и свинарники, то там, то тут слышен перестук топоров и звон пил на строительстве новых жилищ для колхозников и общественных построек. В живописной лесной местности, изредка пересекаемой возвышенностями и впадинами, с небольшими ручьями и реками, в стороне от скованных льдом озер раскинулось село Копорье с развалинами древнейшей крепости, построенной во времена Александра Невского. И как бы вы ни спешили, невольно попросите шофёра остановить машину и с чувством большой гордости за своих предков полюбуетесь на грозные серые стены крепости, на круглые угловые башни, поросшие колючими деревьями. Невольно мысль ваша обратится в историческое прошлое здешних мест, и, быть может, вашему воображению представится картина баталии, как когда-то новгородцы в чешуйчатых кольчугах, а то и просто так, в холщовых рубахах, оборонялись здесь от шведских пришельцев и немецких рыцарей, закованных в железные латы. Ведь сколько раз за долгие столетия Копорье с этой величавой крепостью переходило из рук в руки; иногда на продолжительное время оставалось оно во владении шведов, и только при Петре Первом, продолжавшем в Прибалтике дело Ивана Грозного, это древнее сельцо и вся его округа вновь навсегда присоединились к России...

Мы не сводим глаз с древнего крепостного сооружения, построенного на неприступной, вернее, на весьма удобной для обороны возвышенности, обрамленной вокруг лесами, расстилающимися с одной стороны до морского побережья, с другой, — нивесть где лесам этим конец и край!

Небольшие дома жителей Копорья ничем не примечательны. Обычное село. Но крепость — седая, необычайная старина. Кажется, вот-вот по крутым лестницам, с факелами, пищалями и мушкетами, с топорами и копьями, окутанные пороховым дымом, появятся наши

предки, умевшие воевать и умирать за честь России, за ее великое будущее.

В Копорье, должно быть, особенно красиво в летнюю пору, когда зазеленеют вокруг леса, и высокие цветистые травы покроют крепостные бугры и спуски к реке. Вот куда бы ленинградцам устраивать экскурсии, да почаще!..

Наши размышления не то прерывает, не то по-своему продолжает прохожий — житель этого села:

— Иногда, верно, — говорит он, — в летнюю пору к нам заглядывают приезжающие и дивятся. А нам эта махина, — показал он на крепость, — за семьсот лет глаза намозолила. Мы на нее никакого внимания — стоит себе, и пусть стоит. Наше Копорье по возрасту, пожалуй, с самим Новгородом потягается, — добавил копорец и пошел прочь от нас, довольный, видимо, что живет он на хорошем, привлекательном месте своей родной земли.

Осмотрев крепостные руины, создающие довольно целостное впечатление о крепости в ее первоначальном виде, мы поехали дальше — в сторону села Котлы. Не прошло и двух часов езды от крепости, как в селе Котлы, пережившем почти трехлетнюю, невыносимо тяжелую и горестную оккупацию, я встретился и разговаривал с колхозницей Домной Сладкевич. Невысокая, коренастая вдовушка немало удивилась, когда я передал ей привет от знаменитой вологодской свиначки Люсковой.

— Как же, как же, обращалась я к ней за советом письменно, и ответ получила без промедления, — восторженно заговорила Домна. Глаза ее засверкали добродушным весельем и она, не скрывая удивления, спросила:

— И как это вы меня разыскали? Ведь мало ли кто ей пишет?.. Извините, что я вас не могу к себе в избу пригласить. У меня там развал: и стирка, и пол не вымыт. Давайте по улочке походим, погода хорошая, я вам колхоз покажу и что надо расскажу.

Мы завели длинный разговор на колхозной улице. Собственно, мне приходилось больше слушать, а говорила охотно и толково о своих колхозных делах Домна Сладкевич. Затем она стала хвалить приезжего товарища Омельченко.

— Кто такой Омельченко? — спросил я ее.

— Как же так, не знаете? Вы разве еще не заходили к нему? Да это же наш новый предколхоза — Юрий Тихонович, старательный человек.

— Свой, местный?

— Нет, родом кубанец, а приехал к нам из Ленинграда. Университет кончил. Хозяйственная голова у человека! Да что я его хвалю! Других спросите, все в один голос это же скажут. Чего грех таить, жили мы неважно, — продолжала Домна, — особенно тяжело приходилось восстанавливать колхоз сразу после изгнания фашистов. Вот видите этот придворочек у моей хатки, для чего он, по-вашему, годится?

— Тут может быть курятник на два-три десятка кур.

— Правильно, — согласилась Домна. — Но у меня тут, за недостатком помещения в колхозе, ютилось тридцать три поросенка. Теснота, духота, мокрота за щиколотку. В таких губельных условиях даже самые лучшие способы Александры Люсковой мне не помогли бы. Как вспомню то времечко, так сердце кровью обольется. Дело свиноводческое у нас провалилось из-за того, что негде было свиноматок и поросят содержать. А теперь-то нам ветер в спину, в лицо не дует. Три свинофермы в колхозе — одна другой лучше: побывайте, посмотрите. Теперь только и работать по способам Люсковой.

— А как вы работаете?

— Неплохо. Но до Люсковой нам далеко-далеко. И зоотехник есть, и учатся свинарки, опыт приобретают, но всё еще не то. Про доходность от свиноферм и другие дела вы от Юрия Тихоновича всё в точности узнаете, или от его заместителя. Только одно вам скажу: если вы бывали у Люсковой, — мы ведь за ней по газетам, по плакатам тоже следим, — то после Люсковой свинофермы наши вас не удивят. Но не в этом дело: у нас в Котлах и в соседних бригадах есть разные отрасли хозяйства: животноводство, полеводство с овощеводством и расчетом на ранние овощи...

Поговорив с Домной и узнав еще от нее кое-какие подробности о колхозе, я пошел в колхозное правление. Омельченко спешил; ему было некогда пускаться в разговоры, да, возможно, и надоели приезжие — то из района, то из области, с одними и теми же бесконечными расспросами. Он быстро накинул на себя осеннее пальто и, не застегиваясь, так что университетский значок

задорно блестел на лацкане его пиджака, торопливо сказал:

— Я уйду. Завтра елка для тех ребят, которые нашему колхозу хорошо помогли нынче летом. Надо организовать подарки. Вечером побеседуем обо всем. Ночевать будете у меня. Только едва ли я вам позволю спать: у меня всегда много находится разговоров. Сядьте в уголок и пока отдохните с дороги, что называется, полусидя.

Я сходил посмотреть на свиноферму и скоро вернулся в правление. На свиноферме было очень темно, и если бы не карманный фонарик, то ничего бы я там не увидел. Ферма снаружи выглядела неплохо; порядок поддерживался и внутри, но, действительно, как и сказала Домна Сладкевич, «до Люсковой далеко-далеко...» Но хорошо то, что есть уже значительный сдвиг по пути Люсковой.

Приходили в правление по разным делам колхозники. Наконец, под вечер остались только говорливый кузнец, колхозный кассир, шофёр с грузового самосвала, счетовод и кое-кто из колхозников. Говорили о том, кто и как будет встречать Новый год; говорили о заработках колхозников, о планах строительства в предстоящем году и прочих делах. Кузнец хвастался, что он за месяц может «обуть» сто лошадей, было бы железа вдосталь; потом вдруг ни с того ни с сего заговорил о том, что помещение для правления у них такое — хуже которого нет ни в одном колхозе, что телефона нет, электричество мигает, и что стены скоро рухнут, ибо этот бывший поповский дом давно устарел, в нем сто лет жили попы, и что последний поп, перед тем как переселиться в царствие божие, обязательно оставил клад золота, и не иначе — под печкой.

— Попрошу-ка я председателя, не позволит ли он мне сломать печь. Вот бы клад найти! Знал бы, куда определить. Перво-наперво — автомобиль «Победу» приобрел бы, как у Омельченко...

Никто из присутствующих не мешал кузнецу строить планы расходования средств, «добытых» от предполагаемого клада, только старый кассир сказал убежденно:

— Бросьте ерунду городить! Клад — вот он, здесь, за стенкой. И этот клад у нас окажется в руках наверняка.

Все тут засмеялись, одобрительно зашумели, даже

подвыпивший кузнец, потрянув головой, важно, с хрипотой в голосе, произнес:

— Верно! Вот правильно ты сказал — клад будет, и не меньше миллиона рублей!

— Больше!.. — уверенно сказал кассир.

— О каком кладе речь? — спросил я колхозника, обдавшего меня табачным дымом.

— А вот поди, угадай!.. Про этот клад на сентябрьском Пленуме Никита Сергеевич Хрущев говорил...

За стеной колхозного правления, из торфоперегнойной массы изготавливались горшочки для выращивания рассады овощей. Омельченко распорядился «наштамповать» таких горшочков около миллиона штук!.. Близость Ленинграда с его колхозными рынками, наличие хорошо оборудованного шефом — Кировским заводом — парникового хозяйства, а главное, заинтересованность самих колхозников в высокой доходности от результатов своего труда позволят здешнему колхозу вырастить ранний картофель и капусту. И тогда, действительно, клад целиком будет на текущем счету колхоза.

— Значит, план выращивания ранних овощей должен быть на главном месте? Свиноводство рассматривается как отрасль вспомогательная? — спросил я присутствующих.

— Одно при другом, — неопределенно ответила мне колхозница. — Овощи — овощами. Всякому овощу свое время, а свиноводство — дело верное, никогда не подведет, если любовно за него браться...

РАЗГОВОР О ЛЮСКОВОЙ

Чайная в селе Котлы помещается в голубом, выцветшем, обшитом досками домике, а потому называется «Голубая ночь». На вывеске это название не написано, тем не менее, у кого-то сорвались с языка два слова — «Голубая ночь» — и прочно пристали к чайной, где, кроме чая, есть всё необходимое покрепче, а также обеды. В углу за девятой кружкой пива философствует колхозный мельник. Его веселые размышления сдабриваются хохотом посетителей.

— Мельник, так мельник и есть, — замечает кто-то из посетителей, — мелет не только жерновами, но и языком.

После трудового дня в «Голубую ночь» всё чаще и чаще заходят посетители погреться. Напротив меня сидит колхозник из соседней с Котлами деревни и, жалуясь на отсутствие лекций у них в селе, говорит:

— Мне Домна Сладкевич на вас еще днем показала, будто бы вы специалист по свиноводческой части, на свиноферму ходили и этим делом интересуетесь. Не можете ли нашим свиноводкам прочесть лекцию, а то и не одну, — по свиноводству?

Я сказал, что, к сожалению, такой специальностью не обладаю, но поговорить на эту тему непрочь, поскольку имею некоторое знакомство с работой вологодской свиноводки Люсковой.

— Тогда у меня к вам будет куча вопросов, но сначала скажу об этой отрасли хозяйства у нас, в колхозе имени Димитрова. — Собеседник заметно оживился и рассказал, что у них на свинофермах не ставится задача разведения большого количества поголовья породистых свиней и поросят, а главным образом занимаются откормом для сбыта тех поросят, что «самотеком» родятся, и что от этого тоже есть немалая польза колхозу.

— Какая же?

— Да так, в среднем по три тысячи рублей от свиноматки в год. А годовой приплод — девять голов от свиноматки.

— Это не так уж плохо.

— А как обстоит дело у знаменитой вологодской свиноводки, ведь она и лауреат, и Герой, и депутат Верховного Совета, стало быть, немалые заслуги у этого человека?..

И мы, позабыв о том, что находимся в чайной, именуемой «Голубая ночь», не обращая внимания на посторонние шумные разговоры, завели беседу о работе Люсковой. Когда мой собеседник услышал о мировых рекордах Люсковой, о том, как она получила от породистой свиноматки Июньки в течение одного года сто семьдесят одну голову приплода (с внучатами от первого опороса) весом пять тонн и триста тридцать килограммов, собеседник от удивления широко раскрыл глаза, уставился на меня, помолчал и спросил:

— Вы не шутите? Быть может, ошиблись?

— Нет, не шучу и не ошибся. Об этом были подтверждения чуть ли не во всех газетах Советского

Союза, а также в опубликованной лекции самой Люсковой.

— Чудеса природы!

— Нет, чудеса научного подхода к делу.

— Ведь это же нелегко: три опороса за год от одной свиноматки, да заставить еще одиннадцать дочерей от первого приплода родить сто двадцать пять штук поросят в течение одного и того же года — это слишком смело со стороны свинарки и тяжело для свиноматок. Раньше говорили: «блажен кто и скоты милует», а теперь получается, — славен тот, кто от скота получает рекордный приплод!..

— Дело, конечно, не в рекордах, это отлично понимает и сама Люскова, — возразил я, — суть в системе, в методах кормления, в достижении высокой плодовитости и выращивания поголовья, притом без единого случая отхода и потерь. На свиноферме в колхозе «Буденновец», где работает Люскова, средний годовой приплод до тридцати голов, доходность — десять-тринадцать тысяч рублей от свиноматки в год, что вполне устраивает и колхоз и свиноферму.

Пока мы так рассуждали, к нашему столу подсаживались заинтересованные разговором колхозники и колхозницы из других бригад, завернувшие в чайную. И вопросы и замечания приняли оживленный характер.

— Мне кажется, — сказал один из присутствующих недоверчиво, — такая свиноферма, как у Люсковой, наверное, много пожирает колхозного добра и приносит ущерб колхозу «Буденновец». Ведь организовать кормление высокого класса породистых свиноматок и их приплода стоит не дешево; какие там добываются для них корма? Я думаю, что такая свиноферма — вот она у колхоза где висит всей своей тяжестью! — и собеседник похлопал ладонью себя по загоревшей небритой шее.

— Нет, вы неправы, товарищ, — пришлось мне перебить его и рассказать о том, как на свиноферме у Люсковой стадо обеспечивается кормами. — Прежде всего, колхоз «Буденновец» еще десять лет тому назад выделил в распоряжение свинофермы участок земли в шестнадцать гектаров для выращивания различных кормовых культур. С каждым годом прифермский участок разрастался и достиг в прошлом, 1953 году восьмидесяти гектаров. Колхоз «Буденновец», располагая обширными

Свинарки колхоза имени Димитрова П. Г. Теленина и О. О. Бубнова выращивают поросят по методу А. Е. Люсковой.

угодьями земли, мог выделить такой участок без особого ущерба. С помощью МТС, по инициативе заведующей свинофермой Люсковой, участок обрабатывается и засеивается по схеме семипольного севооборота: на первом поле — первогодний клевер; второе поле с второгодним клевером используется под пастбище свиней; третье поле засеивается викой и овсом, частично кормовой капустой для силосования зеленого корма; четвертое поле обеспечивает ферму картофелем и корнеплодами; пятое — ячменем; шестое — викой и овсом на силосование; седьмое поле — ржаное, с подсевом клевера и тимофеевки на зеленый корм. Так обстоит на свиноферме у Люсковой с созданием кормовой базы. К этому еще можно добавить замечательные пастбища в ближайших окрестностях и бесперебойную обеспеченность молоком, обратом и минеральными кормами.

— Эге, да у них там дело с кормовой базой для свинофермы поставлено по-научному, с умом и толком. Мы

в своих бригадах это дело, к сожалению, еще так не усовершенствовали, — признался собеседник и спросил меня: — А скажите, какой там, на ферме у Люсковой, распорядок дня? Соответствует ли он нашим распорядкам?

— Распорядок меняется, в зависимости от условий; летом — один распорядок, зимой — другой... Ежедневный распорядок вытекает из общего установленного порядка на ферме.

— Это ясно, иначе и быть не может, — заметила колхозница, придвинувшись к нашему столу, тоже, видимо, заинтересованная разговором о передовых методах работы Люсковой. Она спросила, — что могло не понравиться мне у них в Котлах на свиноферме.

— Откровенно говоря, у вас неплохой свинарник, но в нем как-то не совсем уютно. И едва ли распорядок рабочего дня у Люсковой и у вас может совпадать. Разные условия. На свиноферме в колхозе «Буденновец» есть специальная комната отдыха для свинок. Есть помещение со всеми техническими и механизированными приспособлениями, облегчающими труд. Подача воды, работа жмыходробилки, соломорезки, универсальной мельницы и весь процесс подготовки кормов проводятся механически, с помощью электромотора. Так что распорядок дня и вся организация труда зависят и от этих способствующих делу условий. Главное в распорядке дня на свиноферме в «Буденновце» заключается в соблюдении постоянной чистоты в стойлах, в своевременной и частой уборке и вывозке навоза, в подготовке кормов и регулярном кормлении животных: всё это расписано в точности, по часам и минутам, вывешено на видном месте. И каждая работница свинофермы знает — когда и что ей нужно делать, и каждая отвечает за порученное ей стадо свиноматок и их потомство...

— Да, есть чему там поучиться, — согласился собеседник. — Наверно, многие ездят туда перенимать опыт и отрывают работников ферм от дела?

— Не без этого. Будете довольны и вы, если там побываете.

— И у нас в области есть неплохие свиноводы, — сказал колхозник, одетый в меховую куртку, внимательно слушавший наш разговор. — Есть чему поучиться у свиноводки Сигачевой в колхозе «Воля пахаря» Красно-

сельского района; хвалят свиноферму в колхозе «Путь Ленина» в Волосовском районе; около Парголово есть хорошая свиноферма в колхозе «Красный партизан», так что при желании и у нас в Ленинградской области есть у кого перенимать опыт. Но жаль, что в печати, брошюрах и плакатах редко доходят до нас рассказы о методах работы и достижениях таких всесоюзных знаменитостей животноводства, как костромская колхозница, специалист животноводства Малинина и вологодская свиноводка Люскова. А надо бы, очень необходимо.

С мнением этого товарища нельзя было не согласиться.

В вечерний час в чайной «Голубая ночь» мы сидели и дружески разговаривали о колхозных делах и людях. Посетители приходили, внося с собой бойкое оживление, и, не раздеваясь, занимали места за столиками, чокались, поздравляли друг друга с наступающим новым счастливым годом, с пожеланием полновесных трудовней и прочих благ колхозной жизни.

НАКАНУНЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОГО

Так и случилось, что ночлег не состоялся. Всю ночь до раннего утра мы провели в разговорах с председателем колхоза Омельченко. Молодой, энергичный и трудолюбивый, Юрий Тихонович долго расспрашивал меня о том, как работает и планирует свое свиноводческое хозяйство Люскова. А потом откровенно и охотно стал рассказывать о колхозе имени Георгия Димитрова, где он пожелал работать и вот уже проработал год, и не безуспешно. О том, что 1953 год в селе Котлы и в других деревнях-бригадах колхоза, невзирая на скверную погоду, период уборки прошел удовлетворительно, — об этом пришлось много раз слышать от колхозников, довольных оплатой за трудовни. Некоторые товарищи, заглядывающие из Ленинграда в село Котлы, при первом и беглом знакомстве с Омельченко находят в нем какие-то странности, несходство с председателями других колхозов, и считают, что, пожалуй, надо присмотреться к нему: «А как-то у него пойдет дело? Уж больно что-то он стремителен и увлекающийся; даже своей внешностью — высокий и сухощавый — он настораживает, нет ли в его натуре чего-то такого донкихотствующего?..» Другим

кажется странным и непонятным в Омельченко еще и то, что он, уроженец хлебородной Кубани, окончил Ленинградский университет и вдруг, без всяких предварительных уговоров, добровольно поехал в отсталый колхоз. Почему это так? Нет ли тут какой-то загадки? А если есть загадка, то в чем разгадка?.. Разгадку нетрудно найти в кипучей энергии советского человека, в его желании применить свои знания в колхозе, делом отблагодарить партию и советскую власть за полученное образование. А рассуждая конкретно о выборе именно этого колхоза, и тут ответ становится ясным: будучи студентом, Омельченко проходил практику в здешних местах, которые действительно оказались краше степной Кубани...

Он образованный экономист, беспартийный, облечен доверием партии. Ему доверен крупный колхоз. Он любит колхоз, потому колхозники с любовью относятся к нему, с надеждой и уверенностью смотрят на свое ближайшее будущее. В течение одного года авторитет Омельченко возрос и стал устойчив. Был до него председателем товарищ М., подмоченная репутация которого от частых выпивок почти не просыхала; колхозники работали «вхолостую», не получая ничего за трудодни. Хозяйство неудержимо катилось вниз. Прошел год, всего только год дружной, напористой работы, и вот уже колхозники приобрели в личное пользование пятьдесят голов крупного скота; колхоз обзавелся общественными постройками, появились автомашины; стали приходиться работоспособные люди из разных мест с просьбой принять их в артель на общих основаниях. Так оказались в колхозе семьи Свириных, Карасевых, Филипповых, Дмитриевых, Жданкиных и другие. Среди них — специалисты, весьма нужные и желанные работники.

— Без хвастовства скажу, — в разговоре со мной заявил Омельченко, — нынче в наших Котлах почувствовалось настоящее кипение жизни. Дальше дело пойдет веселей. В это мы верим и кое-чего добьемся...

Это «кое-чего» спланировано не только в сознании председателя колхоза; обсуждена, продумана, взвешена и в соответствии с решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС поставлена перед колхозом задача — вырастить изобильный урожай ранних овощей и картофеля для Ленинграда; построить новый скотный двор на сто

сорок коров; два скотных двора построить на лагерных пастбищах; построить пять крытых гумен-токов; построить новый дом для правления колхоза и тридцать одноквартирных домов со всеми удобствами, передав их в собственность колхозникам в рассрочку на льготных условиях; увеличить колхозное стадо коров с трехсот сорока до пятисот голов...

Развернув перспективный план колхоза, Омельченко сказал:

— Всего этого мы можем достигнуть благодаря новым условиям колхозной жизни, благодаря всенародной помощи колхозам, благодаря заинтересованности самих колхозников. Понимаете это слово — заинтересованность?

Дальше председатель размечтался вслух. Он ходил из угла в угол и, мысленно заглядывая в не столь далекое будущее колхоза, говорил:

— Вот вы, рассказывая мне о свинарке Люсковой, подчеркивали, что человек делом славится. А скажите, кто не хочет доброй славы? Разве я не хочу? Разве я не хочу, чтобы со временем к нам в Котлы приезжал народ из других колхозов перенимать опыт? — Хочу!.. Скажу по секрету: мне мало кажется, что в каждой избе у нас радио и электричество. Я жду, не дождусь, когда в Ленинграде будет усилена станция телевидения, и радиус ее действия достигнет нашего колхоза. Тогда мы добьемся, что в каждой избе у нас будет телевизор. Понадобится — вертолёт купим для более быстрой связи с Ленинградом. Захотел — сел, полетел к своим шефам на Кировский завод: «Здравствуйте, товарищи рабочие, окажите нам такую-то техническую помощь, понимаете, с водопроводом на свинофермах затирает». И делу дан ход!.. — Омельченко улыбается, курит и, подсаживаясь к столу, выбирает по своему вкусу пластинку и заводит радиолу. Поздняя ночь; сквозь двойные рамы вырывается на тихую, освещенную электричеством улицу богатырский голос Шалапина и всем знакомые слова русской народной песни. Сквозь узорчатую изморозь на стеклах окон виднеется подступивший к самому поселку замечательный сосновый бор. Свежий снежок серебрится, переливчато сверкает от электрического света. Скрипят полозья саней не то запоздавшего, не то слишком рано

куда-то собравшегося ездока. Омельченко снимает пластинку, ловит какие-то радиостанции и сразу же, не слушая их, выключает приемник.

Вы не любите джаз? — спрашивает он меня.

Нет.

— А что вы любите из музыки? Скажите, какие ваши любимые вещи, и я буду иметь суждение о вашем характере, — говорит он.

— О характере человека судить, пожалуй, рано по этим только данным, — возражаю ему. — О музыкальных вкусах или безвкусице по этим признакам судить еще можно. Мои любимые вещи: «Варяг», «На сопках Маньчжурии», «Камаринская». И еще, знаете, — «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»

— Всё ясно! — усмехаясь, восклицает Омельченко. — Понятно, что приемлемо для вашей души. Давайте отдохнем немножечко. Завтра канун Нового года. У меня много хлопот.

Ложимся. Едва-едва успели сомкнуть глаза, как уже по заказу Юрия Тихоновича под окнами его квартиры загудел автомобильный рожок. И было слышно ворчание шофёра:

— Ох, уж этот председатель! Ни себе, ни людям покоя не дает. В такую рань в правление!..

Утром в клубе в селе Котлы стали собираться школьники. Из дальних деревень-бригад их подвозили на грузовиках. Агроном колхоза зачитывал список премированных старшеклассников:

— Ипатенко Олег! Зайдите на сцену, вы премируетесь костюмом!

— Саша Андреев! Вам за хорошую помощь колхозу правление дает премию — велосипед.

— Вале Михайловой, ученице восьмого класса, за то, что работала нынче летом сто двадцать дней дояркой, премия — велосипед!..

Другим ученикам костюмы, пальто, обувь, отрезы на платье. Раздача сопровождалась аплодисментами, благодарностями и обещаниями учеников оказать колхозу будущим летом еще большую помощь. Кто-то из ребят сказал:

— Товарищ председатель, передайте правлению, что мы, ученики Котловской школы, весной все ваши торфоперегнойные горшочки с рассадой поможем вам выса-

дить по квадратному, по гнездовому способу. И картошку поможем!..

— Верю, ребята, верю! — слышится голос Омельченко, — а колхоз будет побогаче — и премией вас не обидит. Нынче велосипеды, а на будущий год будут вами заработаны и мотоциклы! Спасибо, ребята!..

Посреди зала, под нарядной разлапистой елкой, дед Мороз раздавал ученикам гостинцы. Начались танцы, игры, песни.

— Такого торжества у наших детей не бывало, — проговорила пожилая колхозница. — Хоть бы подольше поработал у нас этот председатель...

Омельченко, будто не слыша похвального слова, повернулся в мою сторону и сказал:

— Вот и клуб, вроде бы и неплохой, из бывшей графской лесопилки, но надо планировать новый. Областной Совет обещает всю внутреннюю отделку нового клуба нам устроить. Не откажемся!.. Построим клуб что надо! По всем требованиям настоящего и будущего времени. — И вдруг неожиданно, по привычке, свойственной мечтателям-энтузиастам, вздохнув, продолжал: — Жаль, парторганизация у нас всего пять человек на такой крупный колхоз. Мало. Что ж, поднимем колхоз, вырастут достойные люди, и парторганизация будет у нас крупнее, крепче. Тогда дело пойдет живей, уверенность в людях усилится, доверия нам будет еще больше. А знаете, что такое доверие?

Выдержав минутную паузу, председатель колхоза рассудил так:

— Я эти два русских слова, два хороших слова: доверие и заинтересованность, в нашем общем деле поставил бы рядом. Ведь из них, из этих глубоких понятий вытекает и наше воодушевление, именуемое энтузиазмом, и наша предприимчивость, именуемая инициативой. — Омельченко улыбнулся, искоса поглядел на меня с застенчивой хитринкой в глазах. В его взгляде я прочел обращенный ко мне вопрос: «Дорогой товарищ, не находите ли и вы во мне некоторые странности?..»

У меня почему-то вырвалось:

— Нет!..

Омельченко понял и рассмеялся:

— А разве в вашей талантливой землячке Люсковой нет благородного творческого воодушевления?

Вероятно, некоторые товарищи расценивают это как непонятную им странность? — спросил он. И, не дожидаясь ответа на этот вопрос, добавил:

— Скажите, кроме племенного поголовья, которое Люскова сдает государству, она выращивает свиней на откорм?

— Выращивает, так называемых «откормышей», выбракованных из племенного стада.

— Ну, и какого они достигают живого веса?

— До трехсот пятидесяти килограммов, или до двадцати двух пудов и выше.

— Здорово! Значит, и в этой части есть чему у нее поучиться...

Мы стояли на сцене колхозного клуба. Звенели жизнерадостные голоса школьников, и, неизвестно почему, сгорбился и кряхтел длиннородый дед-Мороз, которому полагалось бы тоже веселиться, хотя в эту пору на улице, за стенами клуба, было тепло, а настоящий мороз, судя по радиосводкам, свирепствовал где-то в районе Якутска.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В Междуречье	3
Первая встреча	12
В один из вечеров	16
На новой свиноферме	21
О методах работы Люсковой и ее последователях	27
Снова в „Буденновце“	33
Беседа с экскурсантами	39
Будущее „Буденновца“	48
После сентябрьского Пленума	52
В Котлах	55
Разговор о Люсковой	60
Накануне пятьдесят четвертого	65